

№5
Май 2008

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

*С Днем
Победы!*

*От Внешторгбанка к ВТБ.
Расширяя горизонты...*

Когда мы стремимся к намеченным целям, мы объединяем опыт, знания и силы, чтобы двигаться вперед и подняться на новую высоту.

9 банков в 8 странах СНГ и Европы.
Одно имя — ВТБ.

8 (800) 200-77-99
(звонок по России бесплатный)
(495) 739-77-99 (московский номер)

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Инна Кулишова, Арсен Еремян,
Нелли Узнадзе, Донара Канделаки

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани,
Алена Деняга

№5 (32)
Май 2008

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2;
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ	ВОЗВРАЩЕНИЕ МАЯКОВСКОГО	4
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	ВЕЛИКАЯ МИССИЯ	8
ЛЕНТА ПАМЯТИ	ПОТИ ФРОНТОВОЙ	10
ШЕДЕВР	ДИНАСТИЯ	14
ТВОРЧЕСТВО	СОЛЬВЕЙГ НЕ ПРИБЕЖАЛА НА ЛЫЖАХ	16
ТВОРЧЕСТВО	ДЕВОЧКА С УЛИЦЫ МОЕГО ДЕТСТВА	18
КОЛОНКА ПОЭЗИИ	ИНГА ГАРУЧАВА	19
ДАТА	ПРОШЛОЕ СОХРАНИТ НАРОД	20
СВЕРХЗАДАЧА	ПЕРЕХОД НА ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ	25
О, СПОРТ!	РАЗВОДЯТ ДРУЗЕЙ ОКЕАНЫ	26
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	ГЛАВНЫЙ ПРИОРИТЕТ	31
ЗНАЙ НАШИХ!	ЕГО ВЫСОЧЕСТВО... АРТИСТ!	34
ВСТРЕЧА С МАСТЕРОМ	ТЕАТР АМИРАНА	37
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ПИСЬМО, НЕ ДОСТАВЛЕННОЕ АДРЕСАТУ	40
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ВПЕЧАТЛЯЮЩАЯ ОДУХОТВОРЕННОСТЬ	44
НОСТАЛЬГИЯ	ВАХУШТИ В НАСЛЕДСТВО	46
ДАРЬЮШКИНЫ ПОСИДЕЛКИ	ГУСИ-ЛЕБЕДИ	48
ВЕРНИСАЖ	ВСЕ, ЧТО ПОМНЮ	50
ПАМЯТЬ	ЧЕЛОВЕК-ТЕАТР	54

На обложке - Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ в
Грузии В.Е.Коваленко с ветеранами войны в Парке Победы.
Фото Э.Осечкина

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАЯКОВСКОГО

Как-то радиокомитет пригласил Маяковского выступить в эфире. «А много народу меня будет слушать?» – шутиливо спросил поэт. «Весь мир», – ответил редактор. «А мне больше и не надо», – сказал Маяковский.

Маяковского уже ждал весь мир, когда в 1906 году, после смерти отца, он с матерью и сестрами направлялся из Кутаиси в Москву. Уже тогда его в

Россию «тянуло невероятнейше», и уже тогда он ощущал и любил Грузию как свою родину и сохранил это чувство на всю жизнь. Справедливо заметил исследователь и знаток творчества Маяковского В.Перцов: «Будущий великий русский поэт, живя в Кутаиси, не мог в своем духовном развитии пройти мимо грузинской культуры». Действительно, в Кутаиси, древнейшем городе Грузии, как в историческом музее, можно было видеть множество памятников его прошлого – замки, храмы, крепости. В Гелатском монастыре, где Маяковские неоднократно бывали всей семьей, был похоронен царь Давид-Строитель и, по преданию, царица Тамара.

20 июля семья Маяковских выехала из Кутаиси. На три дня остановились в Тифлисе, где Владимир оказался впервые.

В следующий раз Маяковский приедет в Тифлис спустя восемь лет, когда за его плечами будет и учеба в московской гимназии, и несколько арестов Охранным отделением за участие в революционной деятельности, и занятия в Училище живописи, ваяния и зодчества, приедет как поэт-футурист – уже широко известный в литературных кругах как необыкновенная личность и автор самобытнейших стихотворений и трагедии «Владимир Маяковский». В 1914 году Борис Пастернак увидел, запомнил и полюбил Маяковского таким: «Передо мной сидел красивый, мрачного вида юноша с басом протоиерея и кулаком боксера, неистощимо, убийственно остроумный, нечто среднее между мифическим героем Александра Грина и испанским тореадором. Сразу угадывалось, что если он и красив, и остроумен, и талантлив, и, может быть, архиталантлив, – это не главное в нем, а главное – железная внутренняя выдержка, какие-то заветы или устои благородства, чувство долга, по которому он не позволял себе быть другим, менее красивым, менее остроумным, менее талантливым».

27 марта 1914 г. газета «Тифлисский листок» писала: «На Головинском проспекте толпа... сопровождала трех субъектов в странном одеянии. Толпа, конечно, еще не знала, что странно одетые люди – футуристы». В этот же день в Казенном театре Тифлиса состоялось выступление В. Маяковского, В. Каменского и Д. Бурлюка. Это был один из заключительных вечеров большого турне футуристов по разным городам с декабря 1913 по март 1914 года.

Маяковский, к удивлению местной публики, обратился к ней с приветственным словом по-грузински. И в дальнейшей беседе пересыпал речь грузинскими фразами, что в соединении с присущим ему остроумием значительно способствовало его успеху у публики. Очевидец этого вечера вспоминает: «В нем жила природная театральность. Он по праву распоряжался на сцене без всякой позы, без малейшего усилия. Он не искал слов и не спотыкался о фразы... Маяковский именно разговаривал с публикой. Он готов был принять в ответ реплики и обрушить на них возражения... Когда речь доходила до стихов, в зале становилось

Владимир Маяковский

совершенно беззвучно». Это был успех.

Однако кто бы ни передавал свое впечатление о Маяковском 1913-1914 годов, неизменно отмечал его трагизм – черту, проходящую через все воспоминания о нем. «...непонятный, ни на чем не обоснованный, опровергаемый его молодостью, его удачливой смелостью, но все же явно ощутимый трагизм пронизывал всего Маяковского. И. может, это и выделяло его из всех». (С. Спасский. Встречи. 1963).

Маяковский не мог уехать из Грузии, не побывав в родном городе, и уговорил В. Каменского на один день съездить в Кутаиси. Они провели там по-настоящему радостный день. Маяковский увлеченно рассказывал Каменскому о своем детстве, водил его на стремительно несущийся Риони, где он когда-то воображал себя Демосфеном. «Всюду на улицах Володя встречал молодых людей – друзей детства, обнимался, целовался с ними, говорил по-грузински и острит так, что вокруг грохотал сочный смех». (В.Каменский. С Маяковским в Кутаиси).

28 марта 1914 года, «надышавшись», как он говорил, родным воздухом, поэт покидает Грузию.

Маяковский уехал на долгие 10 лет, однако в 1922 году у него состоялась неожиданная встреча в Париже с другом юности – художником Ладо Гудиашвили. Встретились они в кафе «Ротонда» на Монпарнасе. Л.

Дружеские шаржи И.Гамрекели

Гудиашвили вспоминал: «Сидел за чашкой кофе, делал зарисовки. И вдруг слышу по-грузински «Гамарджоба, Ладо! Что ты здесь делаешь?» Обнялись, как два пламенных грузина, долго беседовали. Он рассказывал о Москве, о Тбилиси, об общих знакомых...Потом посмотрел на меня

внимательно: «Ты, говорят, уже нашумел здесь?» Оказывается, Маяковский успел узнать о парижской жизни грузинского друга... Семь дней пробыл тогда Маяковский в Париже. Встречался с поэтами, художниками, музыкантами. Приглашал с собой земляка-грузина.

После десятилетней отлучки 29 августа 1924 года Маяковский приезжает в Тифлис. В те дни в городе в связи с выступлениями меньшевиков были отменены литературные вечера, спектакли, после восьми часов вечера нельзя было ходить по улицам без пропусков. Маяковскому выдали специальное разрешение. Позже он вспоминал: «Красноармеец из уличного патруля (3 года назад в Тифлисе) сам удостоверяет мою поэтическую личность». (Вл. Маяковский. «Рожденные столицы». 1928 г.). Несмотря на отмененные выступления, пребывание поэта в Тифлисе оказалось очень насыщенным событиями, встречами, творчеством, да и просто радостью, ведь приезд в Грузию для Маяковского был возвращением домой, где его всегда ждали и где ему было хорошо.

Весной 1924 года режиссер Котэ Марджанишвили получил пьесу Маяковского «Мистерия-Буфф». Вдохновленный и воодушевленный талантливым произведением, Марджанишвили немедленно поручил перевод пьесы Тициану Табидзе.

Летом, после окончания театрального сезона, коллектив театра находился на отдыхе в Манглиси. Как-то вечером Марджанишвили собрал всю труппу и объявил, что прочитает «замечательную пьесу подлинного поэта-новатора». По прочтении он стал объяснять план постановки, который был грандиозен, и предложил художнику Ираклию Гамрекели подумать об оформлении спектакля на открытом воздухе. По первому

На вечере поэзии

варианту, режиссер хотел поставить «Мистерию» на горе Давида, на плато, за верхней станцией фуникулера. Обладавший огромной энергией и способностью увлекаться интересным проектом со всей страстью, на следующий же день после читки Марджанишвили вместе с Гамрекели на маленьком пассажирском самолете – четырехместном открытом «Юнкерсе», который в то время курсировал между Манглиси и Тиф-

Л.Гудашвили и В.Маяковский в мастерской А.Федера. Париж, 1922 г.

лисом, вылетели в столицу. К вечеру они вернулись с окончательным решением: «Мистерия-Буфф» будет поставлена так, чтобы ее видел весь Тифлис - на самой горе, у нижней станции фуникулера, по склонам природного амфитеатра. «Использовать пространство, природные и искусственные декорации и никакой шумовой музыки», - говорил Марджанишвили.

Маяковский был обрадован и воодушевлен планами Марджанишвили. Он очень увлекся идеей постановки и, встречаясь с И.Гамрекели, подробно расспрашивал его о макетах декораций. «Говорил главным образом Маяковский, - вспоминает И.Гамрекели. - Заложив руки в карманы клетчатых брюк, он ходил по маленькой комнатке, заполняя ее своей огромной фигурой... Помню, мы долго ничего не могли придумать для оформления сцены ада. Молчали. Маяковский вдруг засмеялся и сказал: - Да ведь там же примус, огромный, горящий примус и сковородка, а на ней будет разворачиваться действие. Ну, ад и грешники, понятно. - И тут же стал подробно объяснять, как и что надо сделать».

При встрече с Маяковским Марджанишвили со всем пылом своего темперамента раскрывал поэту возможности его пьесы. Очевидцы вспоминают, что во время беседы Маяковский каждую секунду вскакивал со стула, а режиссер махал на него рукой – «садитесь!», Маяковский послушно садился, но тут же вскакивал снова. Ему очень нравилось все, что предлагал Марджанишвили, он даже обещал, по просьбе режиссера, прибавить в тексте кое-что злободневное... К огромному сожалению, в силу многих об-

стоятельств эта постановка не была осуществлена.

В эти дни Маяковский познакомился с теми, кто стали впоследствии его преданными друзьями на всю жизнь – прежде всего, это С. Чиковани и Н. Шенгелая. В это время в Тифлисе сложился свой кружок левовцев, ценителей и почитателей Маяковского, в который, помимо Шенгелая и Чиковани, входили Б.Жгенти, И.Гамрекели, Б.Гордезиани... Маяковский с интересом общался с левовцами, приходя к ним во Дворец писателей, читал свои стихи, слушал грузинских поэтов, все много и азартно спорили. «Вождь новейшей русской поэзии, и вот он – он! – находится среди нас и дружески, доверительно беседует с нами», - таким было общее впечатление, озвученное С.Чиковани.

Для сентябрьского номера журнала «Мнатоби» были подготовлены стихи Маяковского в переводах Паоло Яшвили. Сам Яшвили в те дни находился в Аргвети, и С.Чиковани прочитал Маяковскому переводы по корректуре. Владея грузинским языком, поэт смог оценить качество переводов и свободно разобраться в их звучании. «Стихи по-грузински звучат сильно, но в некоторых не сохранен ритм оригинала, - заметил Маяковский. - Французское стихосложение тоже силлабическое, но французы смогли сохранить в своих переводах ритмическое движение оригинала. Но в общем переводы мне очень понравились».

Но Маяковский не был бы Маяковским, если бы в свободное время не вспомнил о бильярде, а Тифлис не был бы Тифлисом, если бы на досуге друзья не посидели за одним столом. Были и застолья, и бильярд.

С.Чиковани вспоминал: «Маяковский, правда, не обнаружил пристрастия к вину, но сотрапезником оказался чрезвычайно общительным...Его собственному остроумию не было предела. Он нанизывал шутку на шутку, остроту на остроту и своими искрометными экспромтами вносил еще больше оживления».

6 сентября в 10 часов вечера Маяковский уезжал в Москву. В сопровождении друзей уже в сумерках он покинул гостиницу. Пересекли проспект Руставели, направились в сторону Верийского моста. Поэт предложил напоследок зайти в бильярдную. Гамрекели и Маяковский начали играть в «американку». Проигравший должен был пролезть под столом. Играл Маяковский превосходно, но неожиданно первые две партии выиграл Гамрекели. Маяковский со смехом дважды пролез под бильярдом. До поезда оставалось совсем немного времени, но азарт взял свое, и Маяковский заявил, что не выиграв, не уедет, и выиграл следующие две партии. Когда приехали на вокзал, поезд уже тронулся. Маяковский бросил свой чемоданчик в первый попавшийся вагон, сердечно попрощался с друзьями и гигантскими шагами побежал догонять поезд...

На другой день, 7 сентября, в газете «Заря Востока» было опубликовано одно из лучших стихотворений Владимира Маяковского - «Юбилейное».

Вот –

пустили сплетню,
тешат душу ею.
Александр Сергеич,
да не слушайте ж вы их!

Может
я
один
действительно жалею,
что сегодня
нету вас в живых.
Мне
при жизни
с вами
сговориться б надо.
Скоро вот
и я
умру
и буду нем.
После смерти
нам
стоять почти что рядом:
вы на Пе,
а я
на эМ.

«Послушайте...»
Вл. Маяковский

После 1924 года Маяковский побывал в Грузии еще дважды, и мы обязательно расскажем об этом. Но хотелось бы предварить будущий рассказ и прокомментировать настоящий, напомнив современному читателю о том, что последние годы жизни поэта были крайне нелегкими.

Будем откровенны. Началось время несправедливого отношения к Маяковскому.

Неоднозначному восприятию собственной личности человек, если он личность, никогда не удивляется. Но несправедливость обескураживает всегда. Особо ранимых несправедливость может повергнуть в отчаяние. Маяковский был ранимым.

Отношение к Маяковскому, конечно, всегда было разным.

Так, Пастернак и Маяковский, очень ценившие и любившие друг друга, в начале 20-х просто разошлись в разные стороны, а, к примеру, Марина Цветаева в 1928 году дарит Маяковскому книгу своих стихов с надписью: «Такому, как я, быстроногому...»

Если В. Шкловский и К. Чуковский исследовали творчество поэта внимательно, объективно и показали образцы блестящего анализа, то авторы многих публикаций о нем в 20-е годы состязались в оскорбительных резкостях и пошлом злословии.

Маяковский – «такой большой», самый заметный, самый непохожий, самый бесстрашный – стал огромной мишенью. В чем его только не упрекали в послед-

ние годы жизни, чем только не попрекали!.. Недоброжелателей раздражало все: дворянское происхождение, высокий рост, хороший вкус, чистоплотность, неизменная трость в руках, автомобиль «Рено», поездки за границу, постоянные выступления по стране, даже сердечные привязанности...

Хотя Маяковский никогда и никому не перешел дороги. У него была своя.

Маяковский – человек, который не был похож ни на кого, не напоминал никого, даже в мелочах. Он жил исключительно собственной жизнью и исключительно самостоятельно и в творчестве, и в быту.

Но если недалёковидность невеликодушных современников объяснима, то равнодушие потомков – непростительно. Тем более, по верному замечанию Ю. Карабчиевского, «у Маяковского нет предков. Он сам предок. Маяковский силен потомками».

Потомки оказались неблагодарными и забывчивыми. Потомки ленились думать и судить о поэте только по его стихам. Они предпочитали слушать тяжёлые, командные клише – «рупор», «глашатай»...

Это несправедливо, ведь сам Маяковский не имеет никакого отношения к подобным определениям – грубым и мертвым, как заклепки. Точно и емко написал Б. Пастернак: «Были две знаменитых фразы о времени. Что жить стало лучше, жить стало веселее и что Маяковский был и остался лучшим и талантливейшим поэтом эпохи... Маяковского стали вводить принудительно, как картошку при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповинен».

Прислушаемся к Маяковскому, попросившему будущее поколение: «Воскреси!» Будем вспоминать не только однодневки-зарисовки, которые сам поэт считал лишь работой чистильщика, лишь мощным, чтоб услышали, откликом на злобу дня (а не откликаться он не мог – уж очень неравнодушный был человек). Будем судить по вершинам мастерства, им покорённым, по его блистательным произведениям. Пора забыть о второй, принудительной смерти Маяковского. Поэт входит в историю искусства, предъявляя – как пропуск в бессмертие – самое настоящее, самое лучшее.

В. Маяковский. Хоста, 1929 г.

Дмитрий ТУХАРЕЛИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

ВЕЛИКАЯ МИССИЯ

Древнейшие рукописные сокровищницы Грузии сформировались именно в Тао-Кларджети. Особенно сказанное относится к таким монастырским центрам, как Шатберди, Ошки, Опиза и Хандзта. Написанное в Шатберди Евангелие, известное как Четвероглавие IX-X вв., хранится в Местия, несколько письменных памятников осело в фондах тбилисского Центра рукописей. Множество письменных памятников и других монастырских святынь было перевезено монахами в Иверский Афон в Греции, и это опять-таки связано со смещением вектора культурного развития Грузии. Но

Многострадальная Тао-Кларджети, историческая грузинская провинция, ныне находящаяся на территории Турции, будучи лакомым куском для завоевателей, на протяжении веков становилась свидетельницей бесконечных кровопролитных войн. Письменные источники XII в. до н.э. – клинописные таблички, засвидетельствовали существование предположительно первых грузин – диахов именно на земле Тао. Колыбель династии Багратионов, родина основателя этой грузинской царской династии Ашота I Куропалата, Тао-Кларджети переходила то под власть турок, то монголов... Окончательно Тао-Кларджети отошла под эгиду Османской империи в XVI в.

Эта земля и по сей день остается кладезью, богатейшим живым хранилищем шедевров грузинского средневекового церковного зодчества.

Об их судьбе в отрыве от матери-Грузии – наша беседа с профессором Кавказского университета и ГТУ **Темуром Хуцишвили**.

– После завоевания Тао-Кларджети османами, в храмах Ошки, Долискана, Хахули, Пархали открылись мечети, что спасло их от физического уничтожения, как и Айя-Софию в Стамбуле, – рассказывает профессор Хуцишвили. – В Хахули мечеть действует и по сей день. Но еще до XVII в. в некоторых монастырях продолжали служить грузинские монахи, хранители бесценных древних святынь и рукописей. Все вышеназванные и другие храмы и монастыри Тао-Кларджети, о которых речь пойдет далее, возведены в IX-X вв., во время расцвета церковного зодчества на юго-западе Грузии. Впоследствии, по мере укрепления могущества грузинского государства, и тем более в пору грузинского Ренессанса, связанного с именами Давида Агмашенебели и царицы Тамар, вектор развития церковного зодчества сместился на центральные районы Грузии.

многое и осталось в монастырских хранилищах Тао-Кларджети.

А теперь перешагнем через несколько веков, ближе к нашему времени. После русско-турецкой войны 1877-1878 гг. к Российской империи отходят Артавин, Ардаган, Карс и Эрзерум. Естественно, возникает интерес к исследованиям на новых территориях со стороны российских ученых. И вот в Кавказском отделе Российского Императорского географического общества рождается идея направить экспедицию в Тао-Кларджети. Возглавляет ее в 1888 г. академик Александр Павлинов. Это была экспедиция колоссального значения, в результате которой мировая историческая география обогатилась описанием грузинских храмов в Тао-Кларджети. Затем в Тао-Кларджети работали две экспедиции под руководством графини Натальи Уваровой, следующие три экспедиции организовал академик Эквтиме Такашвили... Но самой резуль-

тативной и интересной с научно-исторической точки зрения была экспедиция 1904 года под руководством академика Николая Марра.

В результате этой экспедиции были описаны и сфотографированы (за что мы должны быть вечно благодарны фотографу Дмитрию Ермакову) все монастыри, церкви и крепости грузинского и армянского происхождения. Историко-этнографические описания сопровождались рисунками, интереснейшими «заметками на полях», общими планами. Это действительно бесценные документы, прежде всего потому, что многих из описанных монастырей уже нет в природе – они разрушены – временем, или по причинам иного характера. Полностью разрушены Опиза, Джавахетская Цкаростави, Кларджетская Цкаростави, Мидзнадзоро. Почти не сохранилась Бана...

Участниками разных экспедиций из Тао-Кларджети были привезены драгоценные реликвии, хранящиеся ныне в разных музеях Грузии и России – стеллы с надписями, рукописи XV в. и уникальное Пархальское Евангелие XIII в.

Ишхани

Другой исторический результат экспедиции Марра – верная идентификация всех монастырей Тао-Кларджети, кроме Шатберди и Хандзта. Проще говоря, из документов было известно, что они были или есть, но где именно – до экспедиции Марра никто этого не знал. В случае с Хандзта и Шатберди он ошибся, и вплоть до 60-х гг. XX в. в научной литературе их местонахождение указывалось неверно. Лишь впоследствии недавно скончавшийся американский профессор Вахтанг Джобадзе точно идентифицировал Хандзту.

А в 2004 году благодаря спонсорской поддержке финансового менеджера компании «Пепси» в Грузии, гражданки Украины Виктории Шторм, и банка «КАРТУ» нам удалось организовать целевую экспедицию по идентификации Шатберди. Эту экспедицию возглавил ваш покорный слуга, и результаты ее оказались успешными. Трудно передать чувства, охватившие нас по завершении этой работы. Мы были первыми православными христианами после XVI в., которые своими глазами видели и сфотографировали Шатберди. А идея этой экспедиции появилась в одной из бесед с директором Кавказского университета, членом парламента, доктором наук Кахой Шенгелия, который, конечно же, сопровождал меня в экспедиции по Тао-Кларджети.

В заключение я хотел бы остановиться на проблеме «исторического склероза» - недуга, все больше охватывающего мир, несмотря на фантастические скорости развития коммуникаций. И прогрессу этого недуга, конечно же, способствует интенсивный прием «таблеток» в «упаковке» новых ценностей глобализации. Разве можно в ослеплении и горячке взаимных упреков нам, грузинам и русским, забывать о той великой миссии в Тао-Кларджети, которая сохранила для истории величайшие шедевры не только грузинского церковного зодчества... А разве можно забывать о подвиге Андрея Краснова, основателя Батумского Ботанического сада... О русских инженерах...

У меня есть мечта – провести совместную российско-грузинскую научную конференцию, посвященную результатам тех экспедиций и их историческому резонансу. Если бы нашлся спонсор, я помог бы профессионалу написать сценарий документального фильма «по следам» «Дневника поездки в Кларджию и Шавшию» академика Николая Марра. Тем более, что близится 100-летие со дня первой публикации этого дневника в 1909 году. Почему я предлагаю себя в помощники сценаристу? Потому что досконально, шаг за шагом, сам прошел маршрут, описанный в этом дневнике, летом 2004-го, и знаю его назубок.

Владимир САРИШВИЛИ

ПОТИ ФРОНТОВОЙ

Михаил Куманин

В мирное время Батуми был оживленным торговым портом. Здесь грузились танкеры нефтью, подаваемой по трубам из Баку, отсюда вывозили апельсины, чай, консервы, а ввозили металл, машины, лес. Из Потийского порта уходили суда с чиагурской марганцевой рудой. Именно сюда для безопасности и удобства управления были передислоцированы из Батуми штаб военно-морской базы Черноморского побережья Кавказа и большинство кораблей: охотники за подводными лодками и торпедные катера. Миноносцы изредка заходили сюда, а могучие красавцы крейсера останавливались на рейде — здесь им было тесно и не доставало глубины. Они пополняли свои запасы и ремонтировались в более оборудованных базах. Другой причиной того, что большие корабли редко гостили в этих портах, была близость турецкой границы.

Небо было голубым, море синим. Но люди жили в тревожном ожидании надвигающейся беды. Тамара Архиповна Джобава, учительница русского языка и литературы, вспоминала как их класс пошел на экскурсию, и учительница, обратив внимание учеников на немецкий корабль, стоявший в порту города Поти, предложила хором спеть песню «Если завтра война,

если завтра в поход...», видимо, в надежде, что дружное пение услышат на корабле, и войну можно будет избежать.

Фронт растянулся от берегов Северного Ледовитого океана до Черного моря, а в портах Поти и Батуми, как и в добрые мирные времена, грузились суда. Лишь порывистый гул мотора самолета-разведчика, едва различимого в голубом небе, погасшие маяки и створные огни,

покрытые камуфляжем портовые здания и причалы, пустыньность ночных улиц и затемненные окна домов напоминали — идет война.

Она была уже рядом. Военные части и корабли военно-морской базы Черноморского побережья Кавказа были приведены в боевую готовность. Днем и ночью наблюдатели следили за морем и воздухом, артиллеристы береговых и зенитных батарей дежурили у орудий. Выделенный в распоряжение базы эсминец поставил минные заграждения на подступах к порту. Дивизион подводных лодок, который прибыл на базу перед самой войной, нес морской дозор.

Хотя Турция официально заявила о своем нейтра-

литете, она поставляла Германии продовольствие и стратегическое сырье, пропускала в Черное море германские и итальянские суда.

Командующий Потийской военно-морской базой генерал-лейтенант Михаил Федорович Куманин понимал, что она может остаться единственной на Черном море. Между тем, Батумский и Потийский порты были очень тесными. В гаванях суда стояли впритирку друг к другу. Черноморский флот к 1941 году имел 47 подводных лодок, 85 торпедных катеров, 845 самолетов, 40 боевых кораблей: линкоров, крейсеров и эсминцев. Надо было готовить порты и причалы к приему большого количества кораблей. Тщательное обследование рек Циви и Хоби показало, что их можно сделать более глубоководными для приема кораблей. Кроме того, с помощью земснаряда была углублена гавань Потийского порта.

По приказу М.Ф. Куманина все малые корабли и суда, кроме тех, которые были необходимы для обслуживания крейсеров, были переведены из Батуми и Поти в устья рек Хоби и Циви, в небольшую бухту Очамчире. Туда было собрано невероятное количество кораблей — сто девяносто! А ведь до 1942 года многие скептически смотрели на возможность освоить эту бухту. Стоянкой кораблей на обеих реках заинтересовался заместитель наркома Военно-Морского Флота, адмирал, член Военного совета Закавказского фронта Иван Степанович Исаков, командировавший в Поти капитана первого ранга Владимира Ивановича

Рутковского, одного из опытейших морских специалистов. Он дал высокую оценку проведенной в порту работе. Вскоре в Очамчире на тральщике «Гарпун» прибыл народный комиссар Военно-Морского Флота, адмирал флота Николай Герасимович Кузнецов, в 1936 году воевавший в Испании. Командовал тральщиком капитан-лейтенант Ф.И.Савельев, позднее командир Потийской базы и контр-адмирал,

Трудно предсказать исход военных событий, не будь этой новой стоянки кораблей и реконструкции порта.

Малоизвестный факт истории Великой Отечественной — Черноморский флот первым в этой войне открыл огонь и отразил воздушный налет фашистов. Фронт требовал боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Единственными на побережье портами, связанными железной дорогой с другими районами страны, остались порты Поти и Батуми. Сотни тонн грузов прибывали сюда ежедневно по железной дороге, их переваливали на корабли и направляли в районы боевых действий. Разгрузочные работы прекращались только при объявлении воздушной тревоги. 16 июля 1942 года вражеская авиация совершила первый налет на Поти. Однажды три бомбы упали на город, но не взорвались, а ушли глубоко в землю. Болотистая почва «Квакенграда», как флотские острововы называли Поти за обилие лягушек, частенько выручала город.

Тысячи горожан пришли на помощь краснофлот-

Выпускники Потийской средней школы, 1944 г.

цам, рыли окопы, строили блиндажи, грузили суда. Секретарь Потийского горкома партии Никандр Варфоломеевич Габуня, председатель горсовета Илья Никифорович Лагидзе, начальник торгового порта Константин Филиппович Реквава, ответственный за порядок в порту капитан третьего ранга Зедгенидзе дневали и ночевали в порту и на стройках. Из прифронтовых городов поступало морем оборудование демонтированных заводов. Из Севастополя эвакуировались Морской завод и судоремонтные мастерские. Забот все прибавлялось и прибавлялось. В Поти и Батуми стекались войска. Их направляли в Одессу и Севастополь. Обратным рейсом суда забирали раненых и эвакуированных.

Воспоминания военных лет Венеры Архиповны Джобава, впоследствии известного в городе врача, интересны живыми, непосредственными впечатлениями и искренностью. «Город Поти в годы войны принял тысячи эвакуированных людей, в основном из Одессы, Севастополя, Николаева, а также других городов России. Город маленький — разместить всех в государственных домах было невозможно, и руководство города попросило жителей частных домов приютить этих людей. И они с большой любовью откликнулись на эту просьбу. В городе не было ни одного даже очень маленького деревянного домика, где бы ни жили эвакуированные люди в тесноте, но как в одной семье. У нас, в нашем маленьком деревянном домике из трех комнат жила семья военнослужащего Павла Шевченко. Сначала эти люди месяц жили в зале морского вокзала, пока городское руководство искало им жилье. Из Крыма эвакуирован был и судостроительный завод и размещен на территории порта в палатках. В этих непригодных помещениях эвакуированные люди днем и ночью трудились, чтобы помочь фронту. Фашисты пытались разбомбить эту территорию порта дважды, но к счастью, обошлось без больших жертв, а работа в помощь фронту продолжалась. Крейсера, подводные лодки находились на территории потийского порта и села Кулеви, к счастью, они остались целы. Штаб военно-морского флота был размещен в центре города, в здании нашей русской школы,

В тесноте и в лишениях, но в дружбе и взаимовыручке жили люди в годы войны, не интересуясь национальностью. Тяжко вспоминать год окончания школы — 1944 год. Тогда моя школьная подруга, отличница Нина Усова решила пойти на фронт санинструктором. После окончания курсов ее отправили на фронт. Она погибла в Керчи».

Из письма Евгении Владимировны Немзер, директора детского садика севастопольского судостроительного завода, эвакуированного в город Поти (она вернулась в Севастополь незадолго до развала СССР): «В войну нас, беженцев, Грузия приняла, и мы прожили здесь сорок лет. До сих пор с теплотой вспоминаем Грузию и ваш добрый народ».

Раненых привозили все больше и больше. Начальник медико-санитарной службы базы военврач вто-

рого ранга Григорьян докладывал, что размещать их негде. Стали развертывать дополнительные госпитали в помещениях санаториев и домов отдыха. Неистощимую энергию проявили в этом деле начальники госпиталей Анатолий Платонович Баженов и Павел Иванович Соколов. Одним из самых известных людей в Поти стал хирург Григорий Арменакович Сарафьян — прекрасный специалист, вдохновенный энтузиаст своего дела, спасший сотни жизней.

В конце октября 1941 года из Севастополя пришла шифровка: «Сообщите, сможете ли принять линейный корабль?» и вслед за ней, первого ноября 1941 года, другая: «Из Севастополя вышли крейсера и эсминцы

И. Курчатов, Ю. Лазуркин, А. Регель в Поти

и направляются в Поти». Эта шифровка не застала врасплох командира Потийской военно-морской базы М. Ф. Куманина, комиссара В. И. Орлова, начальника штаба А. В. Свердлова, инженера-гидротехника Вишневого. Благодаря трудам моряков-черноморцев — капитанам Сергею Анисимовичу Найдену, Георгию Елизаровичу Фалько, капитан-лейтенанту Ивану Ивановичу Блику, капитан-лейтенанту Федору Ивановичу Савельеву и многим-многим другим, а также местным жителям, порты Батуми и Поти приняли новые корабли. В декабре 1941 года в Поти с целью проверки кораблей и частей базы, прибыл из Севастополя командующий Черноморским флотом вице-адмирал

Филипп Сергеевич Октябрьский.

В Поти переехали Военный совет и штаб флота, которые раньше находились в Магри, недалеко от Сочи — командование стремилось быть ближе к кораблям, чтобы непосредственно на месте решать вопросы подготовки флота к предстоящим наступательным операциям. Большую опасность представляли нападения на корабли и суда при выходе из порта. Судно, затопленное на фарватере, надолго закупорило бы гавань. Поэтому, корабли или караван судов прежде, чем выступить в море, на фарватер посылали катера-охотники, которые проводили контрольное бомбометание. Вместе с тем, разрывы глубинных бомб помогали подрывать и обезвреживать неконтактные мины, если подводная лодка выставила их на пути наших кораблей.

Над решением боевых задач трудились ученые, военные моряки, инженеры и рабочие. Им было поручено обеспечить защиту кораблей от магнитных и магнитно-акустических мин и торпед врага. Мало кто знает, что в Поти в период ВОВ работал академик Игорь Васильевич Курчатov и другие сотрудники Ленинградского физико-технологического института.

Герои Севастополя до конца исполнили свой долг. Отрезанные от страны, прижатые к морю, они 250 дней и ночей отражали натиск превосходящих сил противника и оставили город лишь по приказу командования. Военный совет вместе с командующим флотом оставались на крымской земле до последнего дня.

Теперь почти весь Черноморский флот сосредоточился в портах Кавказского побережья Черного моря.

Враг захватил Клухорский перевал. Турецкие газеты расписывали победное шествие горнострелковой дивизии вермахта «Эдельвейс»: куда, мол, денется Черноморский флот красных, когда немцы захватят Поти и Батуми. В эти критические дни, предвидя жестокую схватку с врагом, военное и гражданское руководство подумывало и об эвакуации населения обоих городов. Но как жители воспримут это решение? Горожане, выходя утром на улицу, первым делом смотрели на окна квартиры командира базы М. Ф. Куманина — дома ли его семья? Считали, что если его семья дома, то беспокоиться нечего, город держится. Решено было подготовить к эвакуации женщин, детей и стариков для того, чтобы иметь возможность драться за город и отстоять его во что бы то ни стало. Несмотря на напряженную обстановку, корабли

и суда ежедневно выходили из портов. Черноморцы провели ряд десантных операций в районах Новороссийска, Таганрога и Мариуполя. Более того, Керченско-Эльтигенская десантная операция завершилась захватом плацдарма на восточных подступах к Керчи, позволив позже вести успешные бои за освобождение Крыма.

Положение коренным образом изменилось после Сталинградской битвы. Победа на Волге положила начало решающему перелому в войне. Это почувствовали и в Поти. Войска Закавказского фронта прогнали и сбросили врага с горных перевалов. На Потийскую базу, случалось, еще сыпались бомбы, но было ясно, что смертельная опасность уже миновала.

Советские войска переходили в наступление на всех участках огромного фронта. Включились в это наступление и черноморцы. Они проявили величие духа, мужество, отвагу и героизм при защите свободы и независимости своей многонациональной Родины. В годы войны на Черноморском флоте выросли и выдвинулись такие замечательные флотоводцы и военачальники, как Ф.С. Октябрьский, Л.А. Владимирский, С.Г. Горшков, Н.Е. Басистый, Г.В. Жуков, Н.А. Остряков, Г.Н. Холостяков и многие другие. Звания Героя Советского Союза были удостоены 227 черноморцев, 55 кораблей, частей и соединений были награждены орденами, 18 кораблей и частей стали гвардейскими, многим частям и соединениям были присвоены почетные наименования. Впоследствии многие черноморцы достигли высоких результатов как в военных, так и в мирных профессиях. Среди них вице-адмиралы флота Федор Иванович Савельев, Михаил Григорьевич Проскунов, академик РА медицинских наук, один из ведущих педиатров России Александр Александрович Баранов и другие.

Нинель МЕЛКАДЗЕ
Галина ЧУПИНА

ДИНАСТИЯ

В творчестве бывают паузы, когда «ставятся все точки над i» в законченном произведении, а новое еще не вынашивается. Многие художники знакомы с этим состоянием. А в жизни? Рождается талант, крепнет, стареет, но уже в расцвете последнего рождается новый. В творческой династии семьи Тоидзе пауз нет. Еще жив дед-художник, а следующее поколение уже громко заявляет о себе. Эта семья талантливых художников, артистов, музыкантов внесла свой вклад в развитие грузинского искусства XX века.

В самом центре Тбилиси на набережной Куры есть район, в старину его называли «Ярмурка». Там и сейчас можно видеть обветшалый двухэтажный дом, где жили Гиви и Андро Тоидзе. Мы жили по соседству, и наше знакомство вскоре переросло в крепкую дружбу.

Гуго Тоидзе был мэром города Тбилиси, Мосе – первый народный художник Грузии и СССР, действительный член Академии художеств СССР, профессиональное образование получил в России у Ильи Репина. Приехав в Грузию с молодой женой Александрой Судиной, основывает народную художественную студию, которая вырастила многих известных мастеров. Уча Джапаридзе, Серго Кобуладзе, Иорам и Шалва Макашвили, Сергей Параджанов, Солико Вирсаладзе, Николай Чернышков в разные годы учились в этой студии. Она стала важным зве-

ном в деле возрождения и подъема грузинской национальной культуры.

Активно включившись в общественную жизнь родного Тбилиси, Моисей Иванович не порывал связей с Россией. В годы Великой Отечественной войны Дементий Шмаринов, Евгений Кибрик, Аркадий Пластов были желанными гостями в доме Тоидзе в трудное время эвакуации. Игорь Грабарь в 1944 году написал портрет дочери Александры Тоидзе. А для Дементия Шмаринова моделью Бэлы из лермонтовского «Героя нашего времени» послужила внучка художника Майя.

В 1916 году Мосе Тоидзе принимал в своей мастерской Константина Бальмонта, который выступал в Тбилиси с переводом «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели. На память о встрече художник подарил этюд «Тбилиси», исполненный пастелью. Работы Мосе Тоидзе хранятся в Государственном музее искусств Грузии и в доме-музее. Всем известны

И.Тоидзе. Родина-мать зовёт!

«Прачка», «Портрет старого еврея», «Мцхетоба», «У самовара». Множество профессиональных этюдов, вполне законченных картин, хранятся в запасниках.

Дети, прославившие имя отца, художник Ирак-

Моисе Тоидзе с внуком Гиви

Ираклий, Гоги, Гиви Тоидзе с коллегами

годы вспоминали импровизированные концерты под гитару братьев Тоидзе.

Жизнь Ираклия Моисеевича, как и его брата, скульптора Гоги, прошла в Москве. Гоги Тоидзе оставил большое количество бюстов. Помню, во время одной из наших встреч в Москве он пытался мне объяснить, почему ему необходим камень из села Гарикула близ Ахалкалаки. «Если ты не сможешь его достать, конечно, не сможешь, куда тебе, молодой девочке, возиться с камнями, попроси за меня Гиви, моего племянника. Никак не получается портрет при работе со здешними камнями...» Гоги Тоидзе весь в этой фразе. Камень из Гарикулы позволил бы ему воплотить ту особую мелодию, которую он уже давно слышал в душе. Музыка роднит всех Тоидзе, они все одарены удивительным чувством ритма: дочь Моисе Тоидзе, талантливая актриса Александра, или Шура, как ее звали близкие, внучатые племянники Жанна, профессиональная пианистка и музыковед, художни-

М.Тоидзе. У самовара.

лий, скульптор Гоги, актриса Александра, внучатые племянники Гиви, Андро, Жанна подхватили эстафету творчества, впитали все, что рассказывал старый мастер. На всю жизнь запомнили они слова: «Если хочешь стать настоящим живописцем, пиши старый Тбилиси и Дабаханку. Вдохновение и мастерство придут с пониманием прошлого народа, его культуры». Этой истине молодые остались навсегда верны.

Сын Моисея Ивановича Ираклий – лауреат Государственных премий, график, работал и в живописи. В 26-летнем возрасте одним из четырех грузинских художников (Ладо Гудиашвили, Серго Кобуладзе, Тамара Абакелия), взявшихся за решение серии иллюстраций к поэме Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре», Ираклий Моисеевич создал 20 крупных графических листов. В философском осмыслении текста проявились его высокий профессионализм и гражданственность. Но говоря об Ираклии Тоидзе, в первую очередь вспоминаешь его плакат «Родина-мать зовет!», один из лучших агитационных плакатов той поры.

Война унесла жизнь 30-летнего Вахтанга и исковеркала судьбу Ваню (племянников Моисея Ивановича, сыновей его брата Гиги). Наши бабушки долгие

ки Гиви и Андро.

Андро не устал писать уходящий старый Тбилиси. В его маленьких по размеру картинах слышатся мотивы старой шарманки и исчезающего за углом последнего фазтона.

Музыкально одаренный Гиви Тоидзе, народный художник Грузии, лауреат Государственной премии, премии имени Ш.Руставели и Д.Какабадзе, почетный гражданин города Тбилиси, профессор Тбилисской Академии художеств, он отдал предпочтение изобразительному искусству, а музыка стала лейтмотивом его творчества.

Творчество Гиви Тоидзе – это сплав вдохновенного порыва и серьезного аналитического исследования, редкой одаренности и огромного трудолюбия.

Сын Ираклия Тоидзе Сандро и дочери Майя и Натела живут и работают в Москве, где они родились и выросли. Сын Вахтанг и дочери Гиви Тоидзе Майя и Тея выбрали своей профессией живопись.

Хорошо, когда человек воспитывается на стыке нескольких культур. Это огромное духовное богатство.

Ида ОЦХЕЛИ

СОЛЬВЕЙГ НЕ ПРИБЕЖАЛА НА ЛЫЖАХ

«Не плачь! — сказал он огорченной жене, присев, по обычаю, перед дальней дорогой, которая для него неожиданно пролегла через пол-Европы. — Меня не убьют: я домой копейку не принес, заработанную нечестным путем». И хотя этот факт никак не способствовал пополнению семейного бюджета, сказано было не ради красного словца, но предельно искренно перед смертельной опасностью, которая отныне угрожала миллионам его сограждан, братьям и сестрам, как к ним обратился вождь, преодолев недельное потрясение.

Маленький винтик в разладившейся гигантской машине, он видел, как рушится то, что создавалось с превеликим трудом; для понимания этого ему хватало собственного опыта, которым он, не окончив Промакадемии и Института красной профессуры, обходился вполне. Рано повзрослевший сирота при живом отце-старике, знавшем иные времена, когда господин Арутюн, поэт и городской голова в вилайете соседней страны, внушал уважение и трепет отпетым головорезам, которые, похитив по незнанию его красавицу дочь, тотчас вернули домой с извинениями и богатыми подарками. Но все это в прошлом, теперь он, младший в семье, привык полагаться только на свои умелые в обращении с металлом руки, что давало ему преимущество перед другими, желанную многими броню, за которую он не стал держаться, как за женину юбку. Он просто представить себя не мог на улицах города, который с каждым днем обрастал приметам далекой пока войны. Знакомые его, те, что правдами и неправдами остались дома, неслыханно разбогатели, нажились на людском горе, кутали в шубы своих жен, втискивали слоновьи ноги в модельные лодочки, на улицах, как застоявшиеся жеребцы, прохода не давали женам фронтовиков, завели в домах зоопарк чернобурок, рыбок в бассейнах, а позже, так и не понюхав пороха, разжились льготными книжками участников войны, но об этом он узнал, лишь вернувшись домой с несгибающейся кистью руки, а пока, непривычно растерянный и опустошенный, смотрел на плачущую жену, прижимавшую к груди дочку, которая вся горела то ли от неведомой болезни, то ли из-за реакции на отъезд отца; на ясноглазого, вихрастого мальчугана, который оставался за мужчину в доме и в двенадцать лет пошел работать в сельскую кузницу.

Это ощущение рушившегося очага, скромного домика на краю оврага Кибальчича, откуда видны Сирачхана и Чугурет, Авлабар и Сеидабад, которые все видели и знали, даже то, что было неведомо пытавшим их особистам, что всовывали головы своих жертв в печку и

стреляли у них под ухом, вырывая признание того, чего не было и быть не могло, он пронес через Ленинакан, район формирования их войсковой части, пока, минуя Туапсе, вместе со своими пушкарями не оказался весной сорок второго на огромном, раскисшем от дождей поле, вобравшем в себя небывалое скопление плохо вооруженных людей, которые, видя свою гибель, шли вперед, подгоняемые жестоким и бессмысленным приказом, туда, где угадывались белесые лиманы Азовского моря. Он потом многократно возвращался воспаленной памятью к тому страшному полю, каждый раз умирая под косым металлическим дождем артобстрелов, от снарядов то ли своих, то ли немцев. Пронзенный, как болью, физическим предчувствием большой беды, он снова видел себя среди безусых мальчигов, которые, обезумев от страха и неизвестно откуда жальщих осколков и пуль, поднимались в полный рост, готовые бежать куда глаза глядят. И он, охрипший от крика, который никого не мог предупредить в этом грохочущем мире, догонял и прижимал к земле тех, кого успевал. Но как он мог помочь всем им, рожденным в муках женщиной и в муках завершавших свои короткие, как вздох, жизни, когда их судьбы предопределили ошибки амбициозных генералов, которых ничему не научило октябрьско-ноябрьское отступление к Керченскому полуострову в первом году войны, и теперь май довершал кровавую жатву.

«Будьте вы трижды прокляты!» Он тогда не мог знать про это сталинское проклятие, которое услышал представитель Ставки после керченской катастрофы, прибыв на доклад в страшный кабинет с дубовыми панелями и длинным столом под портретами Суворова и Кутузова. Возможно, его и не было, этого проклятия. Но в симоновских военных дневниках допускается эта психологическая возможность, и не будем ее отвергать.

Пуля его все же нашла. Он неловко упал на руку после сумасшедшего бега по неровному полю, когда сердце было готово выпрыгнуть из груди, и очнулся уже в крытой машине в куче других военнопленных и конвоиров с овчарками, которые подсакивали на ухабах и скулили от неутолимого желания повиснуть у них на горле. Кто-то невидимый болевым приемом выкручивал ему руку, и эта кричащая немой криком боль осталась в нем навсегда, просыпаясь 9 Мая, в день поминовения погибших, когда на экране телевизора появлялась картинка с вечным огнем и диктор за кадром привычно читал текст, сопровождая его списком жертв, напоминая, что по своей натуре люди еще слишком звери и недалеко ушли от ветхозаветного ковчега, в котором спасались, когда разверзлись все источники великой бездны и окна небесные отворились.

Упрятанный на годы за проволочные ряды, он, как и шесть миллионов других солдат войны, хлебнул через край лиха положения несудимых преступников, которые, вопреки людоедскому приказу июля сорок первого года, панике не поддались, при первой угрозе оружия не бросали, не тянули за собой других. Ему не в чем было себя упрекать и строго судить, как это пытались делать после войны бериевские охранники в фильтрационном

лагере Новороссийска. В своих он не стрелял, в карателях не пребывал, а вот однажды пожалел пленного немца, которого ему вместе с красноармейцем-земляком поручили доставить в штаб полка. Напарник трусил идти в стылую ночь, не видел корысти в этом поручении и по дороге чудовищно просто предложил застрелить немца, а когда он сделать это отказался, все же урвал момент для выстрела. Обернувшись на хлопок, он увидел огненно-рыжую голову лежавшего на земле паренька, который уронил фуражку при падении, а теперь непослушной рукой сгребал снег и тащил в рот, видно, горело у него все внутри...

Уже после войны вблизи своего дома он встретил того душегуба, который оказался его соседом, но ни тогда, ни позже с ним не заговаривал, вынеся приговор презрением.

«Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...»

Эта блоковая строчка, неведомая герою моего рассказа, вся как бы пронизана поэзией Генрика Ибсена и музыкой Эдварда Грига, великих сынов небольшой страны на северной окраине Европы.

В Норвегию он пошел не туристом, а узником одного из самых страшных лагерей смерти, откуда не выпускали живыми. Одно упоминание его названия дало ему вольную, спасло от спецлагей НКВД, заготовленных впрок для защитников родины. Из Новороссийска его отпустили без каких-либо хвостов и проволочек - свой счет со смертью он давно выправил.

От пережитого он не ожесточился сердцем, только стал немногословным, словно ушел в себя, оправдывая слова писателя, удивившего меня неожиданным признанием. «Конечно, к моей радости, - писал Константин Симонов, - я не раз встречал потом на войне и тех, кто остался в живых, пройдя невредимым через тяжкую крымскую эпопею весны сорок второго. Но они даже в дни самых больших побед не любили вспоминать о ней. На разные воспоминания тянуло людей во время войны, в том числе и на трудные. Но на воспоминания о случившемся тогда на Керченском полуострове - нет, не тянуло!»

Он оправдал сполна эту характеристику писателя-фронтовика, хотя какая-то информация мне все же перепала.

Во время кратковременного пребывания в рейхе его вместе с несколькими другими узниками отвезли на работу в поместье, чей хозяин, большой военный чин, воевал на восточном фронте. А еще через несколько дней пришла легковая машина с офицерами, лица которых красноречивее слов сказали о хозяине. Пленные приготовились к самому худшему, когда вышедшая к ним фрау Хильда объявила, что ее Зигфрид погиб, как подобает германскому воину, и пригласила всех к столу выпить за упокой его души.

Но самое неправдоподобное ждало их впереди. В норвежском лагере (я до сих пор не знаю, что они там изотворяли - оружие возмездия или бочки для трески) уже в середине апреля, в самом конце войны, подошел к ним, работающим, охранник-немец и спросил: знают ли они, для кого роют вот этот ров. Они, конечно, дога-

дывались, что скоро всех их ликвидируют, заматая следы. «Вы должны бежать сегодня ночью, — продолжал немец. — Ножницы, чтобы резать проволоку, найдете в условленном месте. С вышек будет стрелять конвой, но поверх ваших голов, а если кого зацепит, — не обижайтесь. На то и война».

Этот призыв к побегу мог оказаться подстрекательством, обычной провокацией, поводом для массовых расстрелов, но выбора у них не было. Ночью они перерезали проволоку, и хотя пулеметы били с вышек, ушли в лес, где скрывались трое суток до прихода союзников. Так они выжили, вырвались из ада, ворота которого, казалось, захлопнулись за ними навсегда.

Хотя, если быть точным, спаслись они много раньше. И вот при каких обстоятельствах. Вы, конечно, помните, как русский солдат Андрей Соколов, герой шолоховского рассказа и не менее известной его экранизации Сергея Бондарчука, выпил, не закусывая, три стакана водки, которая могла влить жизнь в истощенный организм не одного - нескольких военнопленных. Как-то утром, пересекая территорию лагеря, мой герой был остановлен властным окриком высокого офицера в немецкой форме, который сделал знак: дескать, следуй за мной. Зайдя в помещение и плотно закрыв дверь, он задал узнику вопрос на грузинском языке: «Откуда ты родом, парень?» - «Армянин из Тбилиси». Офицер вышел в соседнюю комнату и вернулся с хлебом и банкой консервов: «Ешь!» Но он есть не стал, сказав, что отнесет в блок, где такие же, как он, голодные, умирающие от голода. Офицер одобрительно кивнул головой и в дальнейшем не раз переправлял через него такие передачи, которые спасли жизнь многим.

Уже вернувшись в Тбилиси после репатриации, мой герой встретил на Колхозной площади офицера из норвежского лагеря. Гражданская одежда так же ловко сидела на его ладной фигуре, как и военная форма. Он узнал его издали, сделал невольное движение навстречу, чтобы обнять своего спасителя, привести к себе домой, угостить в ресторане. Но бывший офицер неуловимым знаком показал: не обращай на меня внимания. И мой герой понял, что лучшей благодарностью для знакомого будет, если он его сейчас не узнает. Ни сейчас, ни когда-либо. Они разошлись в разные стороны, чтобы уже больше никогда не встретиться.

Мой герой, твердо храня обет молчания, ушел из жизни, не оплатив долг их спасителю. И только как-то, разговорившись, рассказал об этом мне, своему зятю, ведь девочка, провожавшая на войну отца и горевшая от жара из-за разлуки с ним, стала потом моей женой.

Арсен ЕРЕМЯН

ДЕВОЧКА С УЛИЦЫ МОЕГО ДЕТСТВА

Мише – солдату, гражданину, другу

Это была узенькая, кривая улочка в старом квартале города. На ее домах не было мемориальных досок, туристы были здесь редкими гостями. Но я любил ее больше многолюдных проспектов и шумных магистралей. Поэтому, что это была улица моего детства и ранней юности.

Здесь я родился, по этой улице бегал в школу, гонял в футбол, спешил в университет; отсюда ранней весной грозного сорок второго года ушел на фронт. Здесь подружился с Аленкой.

Курносая обладательница больших голубых глаз и весьма принципиального характера, каждое утро встречала меня в окне первого этажа словами: «С добрым утром!» Я уходил рано, но к этому времени одетая и причесанная Аленка уже восседала на подоконнике. И, как правило, рядом с ней лежал ее бант, завязанный бабочкой и аккуратно стянутый с головы. Аленка была твердо убеждена, что так удобнее жить обоим. И пожалуй, только ей одной мог я признаться:

– Иду сдавать высшую математику, боюсь ужасно!

Или спросить: «Как ты думаешь, Аленка, она придет?!»

Когда речь заходила об экзаменах, Аленка со всей беспощадностью пятилетнего существа говорила:

– Такой большой и боишься, не стыдно?

А на вопрос отвечала вопросом:

– А ты ее звал?

– Еще бы!!

– Ну тогда обязательно придет, – безапелляционно заявляла она. – Я всегда иду, когда меня зовет мама.

В то время Аленке, конечно, трудно было понять, что я и мама понятия диаметрально противоположные. (Но так или иначе, а «она» действительно приходила).

...А потом был тот памятный весенний день. Небо было нереально голубым. По нему плыли беспечные кудрявые облака. Молодые листья, не успевшие запылиться, были словно покрыты лаком. А где-то наверху продолжали свою бесконечную возню воробы.

Я поправил за плечами вещевой мешок и сделал первый шаг навстречу новому.

– Дядя Сережа!

Я оглянулся, Аленка, ну, конечно, она. А я чуть было не ушел не протрившись.

– Ну, девочка, – заговорил я притворно бодрым тоном, – будь умницей. Пожалуйста, не лазай больше на пожарную лестницу и не дерись с Петькой.

Обычно, упоминание Петьки вызывало звонкий, разительный смех, но на этот раз Аленка даже не улыбнулась. И были непривычно грустными глаза девочки. Поразила ли ее военная форма, сапоги, вещевой мешок? Или своим маленьким сердечком почувствовала она обрушившуюся на людей беду?

Она молчала и вдруг задала вопрос, который вертелся в голове каждого, кто провожал меня, и который никто из них так и не решился задать.

– Ты вернешься. Правда?!

Я судорожно сглотнул тугой комок и выдохнул:

– Правда, Аленка. Очень скоро. Ты и не заметишь, как пролетит время.

Время действительно летело.

...Сотни и сотни километров прошагал я по опаленным огнем фронтовым дорогам, проходя суровую и мудрую школу жизни. Здесь познал я силу дружбы, горечь потерь, истинную цену жизни. Здесь, незаметно для себя, превратился из мальчишка в мужчину.

А потом был мир. Труд. Огни новостроек. И в их огне как-то вечером я вдруг заметил свои поседевшие виски.

...Я попал в родной город спустя двадцать два года. И снова была весна. Ярко голубело небо, пьянил запах проснувшейся зелени, щебетали птицы.

Я зажмурился и свернул за угол. Моя улица. Мой дом. Мое детство. Они здесь, рядом, такие близкие и такие далекие! Я остановился и огляделся. Почти ничего не изменилось. Лишь деревья разрослись, да какие-то незнакомые мне мальчишки с упоением гоняли в футбол. Я прошел несколько шагов и замер. В знакомой квартире было распахнуто окно, а на подоконнике, в своей любимой позе сидела... Аленка. Бант-бабочка аккуратно лежал рядом. Она внимательно наблюдала за игрой мальчишек. Маленькая болельщица была так поглощена своим занятием, что не заметила, как я подошел.

– Аленка, – сказал я срывающимся голосом, – я выполнил свое обещание. Видишь, я вернулся.

Девочка взглянула на меня. В ее голубых глазах мелькнуло удивление.

– Вернулся? Откуда вернулся?

И не дождавшись ответа, добавила:

– Меня Нонной зовут. А Аленка – это моя мама.

Донара КАНДЕЛАКИ

ИНГА ГАРУЧАВА (ГРУЗИЯ)

*ПОЭТ, ДРАМАТУРГ, РЕЖИССЕР.
ОКОНЧИЛА ФАКУЛЬТЕТ ТЕАТРАЛЬНОЙ РЕЖИССУРЫ ГО-
СУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ТЕАТРАЛЬНОГО
ИСКУССТВА (ГИТИС, МОСКВА).*

*РАБОТАЛА РЕЖИССЕРОМ В МОСКОВСКОМ ЦЕНТРАЛЬ-
НОМ ТЕАТРЕ СОВЕТСКОЙ АРМИИ, НА ГРУЗИНСКОМ ТЕЛЕ-
ВИДЕНИИ И В ТБИЛИССКОМ РУССКОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ
ТЕАТРЕ ИМ. А.С. ГРИБОЕДОВА. СТИХИ И ПРОЗА ПЕЧАТА-
ЛАСЬ В РАЗЛИЧНЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛАХ РОССИИ,
ГРУЗИИ И ЛИТВЫ.*

Сегодня родилась луна.
Но в неурочный час.
Не вовремя, совсем одна.
Луч вспыхнул и погас.
По небу ветер тучи греб
И в старых вязах выл,
И показался бледный лоб
И Ангел, но без крыл.
Он был так молод, так пригож,
И слаб на том ветру,
Край тучи, словно край рогож,
Сорвал он в темноту.
И воцарилась тишина
Без звуков и без слов,
И снова поднялась луна
И озарила кров.
Диван, два стула, и трюмо,
И лампу без огня,
И ничего тут нет давно
Чтобы согреть меня.
Стихи в бумагах на столе,
И в чашке стылый чай,
И в печке угольки в золе,
И шепот: ну, встречай.
И Ангел, через мой порог
Перешагнув, упал.
Он обессилел, изнемог
И крылья потерял.
Глаза нездешней синевы,
И мукой скошен рот,
И крик полуночной совы
За домом у ворот.
Худая узкая спина,
Лопатки вместо крыл,
И раскололась тишина,
И месяц в тучи взмыл.
Но что же делать мне теперь
С бескрылым и больным!
Беззвучно растворилась дверь,
Туман заполз за ним.
Метнулись тени к потолку
И загустели там.
Тумана серого лоскут
Ползет к Его ногам.
Сейчас накроет с головой,
И Он исчезнет в нем.

О, что же сделать, Боже мой,
Найти спасенье в чем!
Он столько раз меня спасал
От горя и от слез,
Теперь он крылья потерял,
И в дом ко мне приполз.
Наверное они летят
По небу над луной,
Но как ему вернуть назад
Те крылья, Боже мой!
Что есть на свете у меня,
Кроме стихов моих!
Тут шевельнулся у огня
Мой Ангел и затих.
И подойдя к столу, взяла
Я твердою рукой
Свои стихи и вознесла
Над бедной головой.
И выкроив крыло из них,
Примерила к спине,
Забился, закричал мой стих,
Как в страшном тайном сне!
Дрожал он под моей рукой,
Не убивай! - кричал,
Но со стола забрав другой,
Крепила я к плечам.
Лязг ножниц резал разум мой,
И душу кровенил.
Но вдруг ожило за спиной
Сиянье белых крыл.
И шевельнулось там одно,
За ним другое вслед,
И Ангел вылетел в окно,
И вот его уж нет.
Волшебной флейты тонкий звук
Вознесся и затих.
Последним вырвался из рук
И в небо взмыл мой стих.
Осталась в мире я одна,
Без музыки и слов,
И снова поднялась луна
И озарила кров,
Диван, два стула и трюмо,
И лампу без огня,
И нет на свете никого,
Чтобы спасти меня.

ПРОШЛОЕ СОХРАНИТ НАРОД

Григорий Бродский, глава представительства Еврейского агентства Сохнут на Южном Кавказе, беседует о прошлом, настоящем и будущем.

- Расскажите немного о себе...

- Я родился и вырос в Днепропетровске в 1950 году. Затем мое поступление в университет совпало с Шестидневной войной в 1967 году, и мне открытым текстом сказали: «Зачем ты сюда вообще пришел?» И меня не приняли. Я поступал на филологический. Я ушел в армию, служил под Иркутском. После армии поступил в Казанский университет, о чем ни одной секунды не жалел, на исторический факультет. У меня была замечательная учительница истории в Днепропетровске, которая мне как-то сказала: «Ты можешь поступать даже на физфак, но все равно будешь историком». Эти слова оказались пророческими. По окончании Казанского университета снова два года служил в армии в Москве, потом вернулся в Днепропетровск, работал учителем истории, женился. У меня двое детей, сейчас они оба студенты в Израиле. В Израиле мы приехали в 1991 году, и сразу нужно было идти работать. Эмигрантская жизнь не предполагала каких-то особых привилегий, и я пошел рабочим на археологические раскопки. Должен сказать, что раскопки были очень интересны. Это Бейт-Шеан (Дом Шеана – божок языческий), на иорданской границе, который в древности назывался Скитополис, один из городов греческого десятиградия на Ближнем Востоке, эллинистический город, Александр Македонский поселил там скифов. Город чрезвычайно древний, насчитыва-

ет 18 культурных слоев, начиная с Рамзеса II. Позже для всех желающих на русском языке я начал что-то рассказывать. С этого началась моя деятельность экскурсовода. Я проработал три с половиной года, затем ушел. Продолжал читать лекции по еврейской истории в клубах, водить экскурсии. Но главная моя работа с 1995 года была в израильской системе образования с так называемыми трудными подростками. В Израиле есть государственная система работы с этими детьми, вначале я был инструктором, потом директором школы. Это очень интересная система, и я бы вполне мог поделиться опытом и с грузинской системой образования, если есть потребность. Это очень плодотворная и эффективная система спасения детей от улицы. Я очень любил этих детей. Мы с ними сделали очень много, в том числе и пятидневный марш-бросок по пустыне на выживание. Дважды мы ездили в Польшу по местам Катастрофы еврейского народа, у меня в кабинете висит флаг, который побывал в Аушвице (Освенциме по-русски), с надписями детей. Это все трудные подростки, которые по меркам любой страны являются проблематичными. На самом деле это хорошие дети, у которых сложная биография. Чаще всего дети репатриантов, но не только. После этого я решил попробовать что-то новое. В Израиле считается, что больше пяти лет работать на одном месте нельзя, надо пробовать дальше. Я уже был 11 лет на этой работе и понял, что надо что-то менять. И подал свою кандидатуру на конкурс по замещению должности главы представительства Еврейского агентства Сохнут на Кавказе и выиграл. Было 40 претендентов на 4 места, и я стал одним из них. Я не жалею, мне очень интересно, хотя это непростая работа, которая включает в себя и представительские функции, и связи с общиной.

- Еврейская община и Вы, в частности, участвуете в русской культурной жизни города...

- Поскольку мы с женой являемся носителями русского языка и русской культуры, – я все-таки закончил Императорский Казанский, мне иногда говорят: «А, ты учился там, где Ленин», на что отвечаю: «Ленина выгнали, я-то закончил», – естественно, все, что так или иначе связано с русской культурной жизнью, мне интересно. Поэтому мы были очень рады, когда Николай Николаевич Свентицкий нас любезно пригласил быть сторонними участниками поэтического фестиваля, который в прошлом году проходил в Грузии; когда нас приглашают на презентации русской исторической или литературной книги, художественных альбомов, это очень приятно и нам интересно. Поэтому мы с удовольствием принимаем участие, и надеюсь, это будет продолжаться.

- Сколько времени Вы работаете в Грузии?

- С августа 2006 года. Грузия не является целью моей должности. Я хочу напомнить, что Сохнут, возникший почти 80 лет тому назад, ставил своей задачей помощь тем евреям, которые хотят репатрироваться в Израиль. В любой стране мира, где бы они ни находились. Когда развалился Советский Союз и

образовались независимые государства, то естественно, что во всех этих странах возникли представительства Еврейского агентства, и, кстати, на будущий год будет отмечаться 20-летие Сохнута в Грузии. Грузия – одна из стран, которые широко открыли двери для нашей деятельности, и здесь есть определенные исторические и геополитические условия. Помимо того, что грузинский и еврейский народы свя-

Древо жизни в Яд Вашеме

жизни, как у нас в Израиле. Когда в прошлом году приезжала делегация депутатов Кнессета (парламента), в Азербайджане мне нужно было брать две полицейских машины сопровождения, в Грузии этого не понадобилось – достаточно было повесить израильский флаг, и всюду зеленый свет. Я

Григорий Бродский и Ирма Сохадзе

Гия Бугадзе на выставке студенческих работ

зывает многовековая дружба, у грузинского народа всегда был большой интерес к Государству Израиль, к тому строительству, которое мы прошли. Государство Израиль в течение 60 лет прошло достаточно трудный путь, и одна из наших проблем, которая, может быть, внешне не всегда распознаваема: у нас до сих пор нет границы, признанной международным сообществом. Но внутри страны мы достигли огромных успехов в социально-экономическом развитии. И это, мне кажется, очень серьезно привлекает грузинский народ и грузинское руководство. Я хочу отметить особое дружелюбие грузинского народа к Израилю. Мне здесь очень комфортно. Когда у меня был выбор между Баку и Тбилиси, я однозначно выбрал Тбилиси. И в силу того, что это удивительно красивый город, и в силу того, говоря обыденным языком, что здесь есть куда пойти вечером, с моей точки зрения. Как раз сейчас принесли приглашение в дом-музей Елены Ахведиани на открытие выставки, недавно мы были на выставке русского художника Алексея Бердышева. В Израиле, конечно, больше возможностей: я очень люблю классическую музыку, оперу. Но Израиль находится на другой ступеньке экономико-культурного развития, и я очень надеюсь, что в Грузии через несколько лет будет такая же интенсивность культурной

Григорий Бродский и Давид Маркиш

Яд Вашем

хочу отметить, что мы видим те трудности, которые переживает Грузия, но за полтора года наблюдаем и изменения к лучшему. Может быть, граждане Грузии не всегда это ощущают, но со стороны заметно. Например, свет, вода, которые почти всегда есть, некоторая стабилизация власти. Одним словом, мы видим изменения к лучшему.

- В этом году День Победы, в Европе точно, в России разница в один день, совпадает с юбилейным Днем Независимости Израиля по еврейскому календарю, 60 лет Государству Израиль исполняется 8 мая. Мне кажется это символичным. Страна активно отмечает свой юбилей, на всех уровнях, и в разных странах проходят мероприятия...

- День Независимости Государства Израиль падает на число 5 ияра по еврейскому календарю, в 1948 году это было 14 мая. В этом году празднование 60-летия Государства Израиль будет проходить

достаточно широко, на всем Кавказе. В Грузии 9 мая на территории Тбилисского государственного университета будет посажена аллея деревьев в честь Государства Израиль, сюда привозятся из Израиля более ста деревьев, которые подходят по климату, приезжает заместитель генерального директора Основно-

На семинаре в Бакуриани

го земельного фонда Израиля. Я просто хочу напомнить, что в Израиле принято по количеству рожденных детей в данном году сажать деревья. Поэтому наша страна зеленая и ветвящаяся. Посадить дерево – наша традиция, и нами была высказана инициатива посадить аллею в Тбилиси, ректор университета любезно согласился сделать это на территории университета. Хочу подчеркнуть, что такую же аллею будут сажать в Ереване, Баку и Кубе – месте компактного проживания горских евреев в Азербайджане. 11 мая будет открытие выставки «Еврейский мир», который организует Национальный музей Грузии. Выставка пройдет в музее «Карвасла». Я хочу напомнить, что в декабре мы провели под знаком этого празднования выставку, где были представлены работы студентов Академии искусств, и мероприятия продолжаются.

- Образование Государства Израиль в той или иной степени связано с благополучным окончанием Второй мировой войны.

- Совершенно однозначно связано. Исторически абсолютно понятно, что следствие победы над нацизмом – это образование государства Израиль. Тут есть много плоскостей. Это и попытка Сталина приручить молодое государство, потому он указал голосовать в ООН за его образование. Страна создавалась на основе социалистической идеологии. Ведь кибуц, по существу, единственная форма коммунизма, которая дожила до наших дней. И хотя сегодня кибуцы прошли довольно серьезный путь изменения, две главные вещи, которые являются приоритетными в их жизни, это образование и забота о стариках, остались в их руках, и никогда они их не отдадут никому. Потом все изменилось. Приезд Голды Меир, десятки тысяч евреев, которые ее встречали, напугали Сталина. Но вначале была попытка при-

ручить. Как там у Высоцкого? «А там на четверть бывший наш народ». Не надо забывать, что наш народ потерял шесть миллионов жизней в годы Второй мировой войны только мирных людей. Не считая сражавшихся. И это наша катастрофа. Те, кто выжили, считали, что не было другого пути. В фильме Спилберга «Список Шиндлера» есть очень символический момент в конце. Толпа освобожденных из лагеря смерти движется в каком-то направлении, подъезжает к ним офицер в советской форме и говорит: нет для вас пути на Восток. Они поворачиваются в другую сторону, и офицер в американской форме говорит: нет для вас пути на Запад. Нам нигде не было места. Единственное место, на историческом, генетическом уровне - Палестина, Земля Израиля. Хочу подчеркнуть, что из многих идеологий и измов XX века, единственная идеология, которая воплотилась в жизнь и достигла своего осуществления, сионизм. Он оправдал самое себя.

- Израиль, возможно, единственная страна, кроме России, где проводится парад ветеранов.

- Не знаю насчет других стран, но парад ветеранов проходит. В Израиле несколько лет назад был принят государственный закон о праздновании Дня Победы именно 9 мая. Все знают о том, что в Европе это 8 мая, но в Израиле отмечается 9 мая. В том формате, который был присущ когда-то Советскому Союзу. Видимо, потому что на этом настояло абсолютное большинство ветеранов войны, которые приехали из бывшего СССР и для которых дата 9 мая генетически привычна...

- В Израиле всегда было особое отношение к войне и ко Дню Победы...

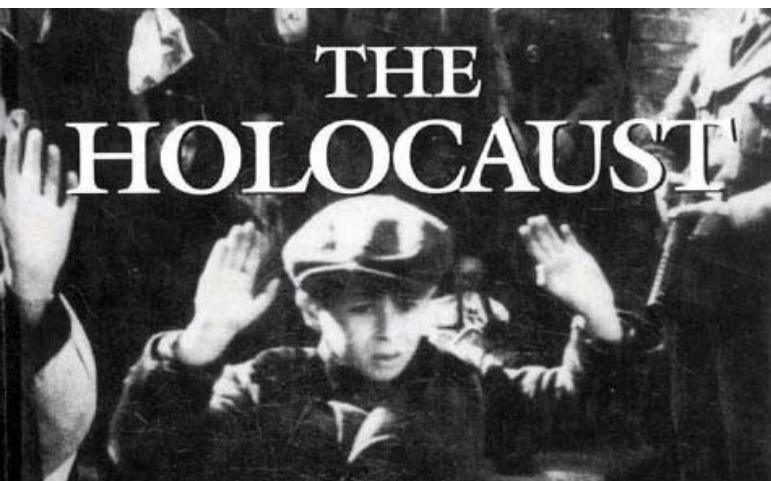
- Долгие годы в Израиле славословили Красную Армию. До 1954 года, когда Советский Союз неожиданно разорвал дипломатические отношения с Израилем, затем восстановил, а после 1956 года опять возникли проблемы, когда Советский Союз резко повернул и взял курс на поддержку реакционных арабских режимов и в конечном счете спровоцировал Шестидневную войну. Но до 1954 года ни один израильский руководитель не выступал ни на каком собрании или митинге, если за его спиной не висел портрет Сталина. Ибо считалось, что Сталин – победитель нацизма, человек, который способствовал появлению государства Израиль. Изменилось все только после того, как стали проявляться какие-то факты истории и стало больше людей приезжать из Советского Союза, Польши. Когда поднялся железный занавес, раскрылись ворота и кинулись массы, для них было странным и удивительным видеть,

Вагон узников концлагерей

что Израиль, например, отмечает 1 мая. С красными флагами, и это официальный выходной день. И сегодня по израильскому законодательству каждый работник имеет право выбрать три выходных дня в год. Три праздника. Сегодня обычно выбирают Пурим, Хануку и так далее. Когда-то, практически все, выбирали 1 мая. А 9 мая не было. В Израиле долгие годы считалось, что праздновать нечего. Потому что шесть миллионов евреев погибло, не считая тех, кто сражался в рядах

ку всю душу, это и огромное здание с документами, фильмами, фотографиями и так далее, в другом здании – зал с вечным огнем, выложенный шестью миллионами камнями и названия самых крупных концлагерей – туда, как и к Стене Плача, нельзя заходить без кипы, там молятся, возлагают цветы, чтят память ушедших; детский музей, построенный так, что ты будто идешь посреди Космоса, в котором горят свечи, на стене фотографии детей, и голоса на английском и иврите чи-

Холокост

Памятник Яд Вашема жертвам Холокоста

Мемориальный зал в Яд Вашеме

тают имена и возраст убитых детей; аллея праведников, где в честь каждого человека, не еврея, что важно, который спас жизнь хоть одного еврея, посажено дерево, и рядом табличка с именем. Всего, что находится в этом огромном комплексе, не перечеистишь. Вход в музей бесплатный... Там, думаю, должен побывать каждый,

разных армий – Красной Армии, американской, английской, французской... А что отмечать? Шесть миллионов погибших не победа, но трагедия. Долгие годы отношение ко Дню Победы было именно таким. Могу сказать, что и сегодня среди израильского общества существует такая точка зрения. Поэтому День Победы будет отмечаться до тех пор, пока живы ветераны. Отношение к этой войне не «мы победили», но потеряли шесть миллионов. И такую позицию надо понимать. Для израильтян это не та война, которая известна из учебников советской истории, это не Сталинград и Курская битва, но Аушвиц, Биркенау, мюнхенские погромы, это Катастрофа европейского еврейства. И потому ученики десятых классов израильских школ, изучая в целом войну, едут на экскурсию по лагерям уничтожения. Поэтому в Израиле есть два музея, которые рассказывают именно об этом. Один из них Яд Вашем в Иерусалиме («Место и имя», название взято из Танаха, Ветхого Завета, – цель такая, чтобы каждое имя было вспомнено).

- Яд Вашем совершенно выворачивает наизнан-

чтобы эта и любая другая война не стала глянцевой, чтобы не очерстветь и не забыть.

- Яд Вашем - огромный комплекс, основной музей находится в новом здании, которому меньше трех лет, совершенно потрясающе сконструировано, все оснащено по последнему слову техники. В Израиле существует целая просветительская система, которая рассказывает новым поколениям о том, что произошло. Те, кто спаслись в Катастрофе, практически никогда никому ничего не рассказывают. Когда я в первый раз попал в Польшу в Аушвиц, я понял, что все, что знал о Второй мировой войне, не имеет к этому никакого отношения. Там я ощутил ту потерю, которая была, и понял, что евреи Европы оказались в кольце, из которого просто не было никакого выхода. Я приехал домой и сказал, что мои дети должны это обязательно увидеть. Экскурсия в 10 классе стоит немалые деньги, но мы оплатили. А потом через два года и сыну. И когда я стал непосредственно заниматься поездками для детей, произошла одна интересная история. Вы знаете, что национальность евреев считается по Галахе (свод религиозных

еврейских законов, принятых мудрецами в III веке нашей эры), то есть у кого мама еврейка. Очень много смешанных семей из Советского Союза приехали в Израиль. Сегодня из миллиона двухсот тысяч русскоязычных репатри-

русскаяязычный психолог рассказывал, что как-то они детям показали кадры кинохроники из концлагерей. И в ответ услышали смех. Дети приняли это за шутку – чтобы евреи добровольно и послушно шли на смерть, как бараны на заклание.

- Да, есть такой психологический момент. Долгие годы выжившие в Катастрофе стеснялись рассказывать, что с ними произошло. Потому что после войны в Израиль, в основном, приезжали люди из афро-азиатских стран, которые ничего об этом не знали, ничего

антов 200 тысяч не являются евреями по религиозному законодательству. Это не значит, что они не являются израильтянами или подвергаются какой-то дискриминации. Один из таких ребят учился в моей школе. И он сказал: «Я в Польшу не поеду. Я считаюсь не евреем, зачем ехать?» Я уговаривал, беседовал с родителями, они поддержали мою точку зрения, и на личном авторитете смог взять его. Когда мы были в Майданеке, он ко мне подошел и попросил сфотографировать. «Я тебя фотографировал кучу раз». – «Нет, сейчас сфотографируй». И когда я оглянулся, он стоял с израильским флагом на фоне колючей проволоки. Я эту фотографию всегда вожу с собой. Мальчик по культуре ивритоговорящий. Ему уже трудно по-русски говорить, они приехали, когда ему было два года.

- Если существует такая просветительская система, значит, израильтяне никогда не забудут этого, и вряд ли победа уйдет в прошлое...

- Я надеюсь. Но это другая война. Я ребенок, родившийся после войны. И поскольку я родился на Украине, помню остовы разрушенных зданий. Мы читали «В окопах Сталинграда», видели фильмы о войне. В Израиле – другая война, которая нам в Советском Союзе была неизвестна. И в то же время израильтянам неизвестна была война в Советском Союзе. Им неизвестны эти сражения, малоизвестно, что там происходило. Это просто другая война. И израильтяне сегодня учат эту войну. Потому что сохранить народ и его прошлое можно только на основе того, что он пережил. На основе этого мы стараемся воспитывать своих детей, и я считаю, достаточно успешно.

- Помню, был сюжет по телевидению, израильский

не понимали, и когда им рассказывали, что людей вели на казнь, они говорили: если бы меня повели, я бы им показал. То есть понять, что там происходило, было действительно для людей не знакомых с этим сложно. Переворот в израильском сознании произошел в 1962 году, когда судили Эйхмана. На суде выяснилось то, что, во-первых, нацизм представлял собой машину по уничтожению людей, во-вторых, сопровождался жутким враньем по отношению ко всему, что окружало эту машину – мы же видели фотографии прибывающих в Освенцим смеющихся людей: они рады, что их перевезли в другое место. И кусок мыла, которое им давали, чтобы идти в баню, не предполагал прямого пути в газовую камеру. А потом приехал миллион людей, знакомых с войной, пусть меньше

знакомых с лагерями уничтожения, но с другой стороны войны, с тем, что происходило на фронтах. И если сегодня израильским школьникам показали бы этот фильм, смеха бы не было. Потому что уровень сознания израильского общества сегодня другой по отношению к этой войне. Тем более после фильмов, которые были сняты американцами. Тот же «Список Шиндлера», «Пианист», или «Европа, Европа» и так далее. В это внес лепту и израильский театр «Гешер». Его создали актеры и режиссер Евгений Арье, приехавшие из России, вначале это был русский театр, но сегодня они играют на иврите. И один из самых талантливых спектаклей «Адам Бен Келев» («Человек, сын собаки»). Каждую весну актеры выходят на улицу: раскидывают шатер, как в шапито, в Тель-Авиве на площади перед Музеем искусств Израиля, и в этом шатре дается спектакль в дни, когда отмечается день памяти жертв Катастрофы. Помимо этого, в Израиле была введена традиция, когда в День Катастрофы в течение одной минуты в стране останавливается движение и звучит сирена памяти – цифра. Сегодня только одна категория людей не останавливается, это ультраортодоксы. Они не останавливаются по своим ультрарелигиозным соображениям. Но израильское общество сегодня все понимает и помнит. Это наша генетическая память. У нас довольно молодое развивающееся государство, со своими точками зрения, и оно уверенно смотрит в будущее. Несмотря ни на какие сложности, которые у нас существуют.

Инна КУЛИШОВА

ПЕРЕХОД НА ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ

9 мая отмечают один из почитаемых праздников - День Победы. В этот же день жители 27 стран европейского континента отмечают и День Европы.

В 1950 году министр иностранных дел Франции Робер Шуман официально выступил с предложением объединить угольную и сталелитейную промышленность нескольких европейских государств. Соответствующий договор был заключен в 1951 году, но европейцы решили считать 9 мая днем рождения ЕС.

Хотя европейцы до сих пор не одобрили Основной закон - Новую Конституцию, Евросоюз не только остается одним из самых влиятельных и авторитетных объединений в мире, но и активно развивается. Этот экономический гигант имеет и политический вес, влияя на другие международные организации. Не исключено, что в будущем ЕС предстанет как ведущий политический тяжеловес на мировой арене. Кроме мира и стабильности, экономической и социальной солидарности, европейцев объединяет и многообразие культур, вероисповеданий, традиций, что является одним из достоинств сегодняшней Европы.

Сегодня важнейший этап в отношениях ЕС и Грузии — План действий, принятый в рамках Европейской политики соседства. В апреле Еврокомиссар по внешним связям Бенита Ферреро-Вальднер представила в штаб-квартире ЕС первый промежуточный отчет, посвященный Плану действий. В тот же день в Бухаресте проходил саммит НАТО, а в представительстве Еврокомиссии в Грузии шла прямая трансляция конференции, собравшая большое количество журналистов. Там же присутствовал и представитель Посольства Франции. Французы активно участвуют в вопросах, касающихся отношений ЕС и Грузии. Кстати, через месяц Франция возглавит на полгода Евросоюз. В интервью журналу «Label France» глава МИД Франции Бернар Кушнер заявил: «Не только Европа будет жить по французскому времени, но и Франция, в первую очередь, будет жить по европейскому времени. Мы хотим воспользоваться этой возможностью, чтобы снова поместить Францию и французов в сердце динамики европейского строительства».

ЕС помогает Грузии реально перейти на европейское время.

«Мы оказываем помощь по выполнению Плана действий, который был принят в ноябре 2006 года в

рамках Европейской политики соседства, — сказал руководитель представительства Еврокомиссии в Грузии Пер Эклунд. — Это достаточно амбициозный план. Грузия достигла прогресса в некоторых сферах. В частности, был отмечен экономический рост, который составил 12 процентов. Хорошие результаты достигнуты в законодательной сфере, в борьбе с коррупцией, в системе образования.

В 2007 году Грузии для проведения реформ было выделено 24 миллиона евро. Всего на 2007-2010 годы предусмотрено более 120 миллионов евро».

За последние годы возросли двусторонние торговые отношения между ЕС и Грузией. ЕС — самый большой торговый партнер Грузии. На его долю приходится 30 процентов.

Пер Эклунд также отметил, что Грузия не вошла в число стран, успешно преодолевших первый этап пятилетнего плана. Например, Украина и Молдова за проведенные реформы получают дополнительное финансирование. По словам дипломата, Грузия должна проделать большую работу для усиления демократических институтов, и тут амбиции европейцев и грузинских политиков, как и всего населения, совпадают.

Миранда ОГАНЕЗОВА

нения первой учительницы, пара-другая почтовых открыток. Не густо. С грустью вспоминаем находчивого солдата из сказки, знавшего рецепт супа из топора. Но назвались груздем...

Работаем без отрыва от производства на шахматном и газетном фронтах. Гуфельд к тому же выполняет обязанности тренера девочки. Я прибегаю к последнему резерву, к праву на десятидневную творческую командировку в любую точку страны – к холодным водам Балтики или по следам Чехова на Сахалин. Пока раздумываю, как бы не продешевить, сменился

РАЗВОДЯТ ДРУЗЕЙ ОКЕАНЫ

Жизнь невозможно повернуть назад. Поверим Алле Пугачевой, которая всенародно объявила о своем открытии. Но соблазн велик. Почему бы не вернуться, к примеру, в Тбилиси середины 70-х годов, в гостиничный номер «Иверии», на семейный совет Чибурданидзе, обсуждающий вопрос, как помочь Гуфельду и автору этих строк написать книгу о Майе, которой только исполнилось пятнадцать. Талант, что называется, виден невооруженным глазом. В «Советском спорте» появилось сообщение Эдуарда Ефимовича: «Есть в Кутаиси девочка одна...» Событие само по себе сенсации не содержащее. Но когда о нем проговорился шахматный гроссмейстер с мировым именем, имеющий в активе победу над Талем, оно дорогого стоит. Итак, решено. Пишем. Не слишком ли рано, сомневаемся, приступая к работе. Через несколько лет книга эта окажется запоздалой. Справимся? Вы еще спрашиваете?

Семья Майи добросовестно выкладывает на стол все, чем богата. Тонкий альбом с фотографиями шахматного вундеркинда, тетрадка в клетку – воспоминания

Эдуард Гуфельд

редактор. Захожу в кабинет к новому. Выслушивает недоверчиво, не каждый день меняют прошлогоднюю командировку на десятидневный творческий отпуск. «В самом деле, не использовали?» Я готов поклясться. Редактор-новобранец облегченно вздыхает, узнав, на что я собираюсь растратить свою премию. Отвечает откровенностью на откровенность: «А я уезжаю в Москву, на съезд журналистов». Остается пожелать друг другу успехов, что мы и делаем с облегчением. А до успеха – времени с воробьиный нос. Но обговорены подробности, и шахматный рыцарь уезжает в Баку, на очередной турнир. Я запираюсь дома и колдую над рукописью. Скоро книга сказывается и скоро пишется. Вот и друг – свалился как снег на голову. Читает готовую книгу. Мой соавтор сияет, как новенький доллар США. Говорит моей жене: «Он у тебя гений». Приятно, когда тебя называют гением даже в шутку. А если серьезно, специалисты потом не припомнили другого случая, чтобы о шестнадцатилетней шахматистке была написана (и издана!) книга – такого в литературе еще не было. Как не было и того, чтобы шахматную корону оспаривала школьница.

Вы не помните? Вспомните, какой шахматный ветер-крепчак дул в сентябре 1978-го на мысе Пицунда. После первых партий матча на первенство мира Гаприндашвили – Чибурданидзе руководитель пресс-центра, международный мастер Михаил Юдович-старший в беседе с корреспондентом Грузинформа заметил: «Четвертая партия в психологическом плане может оказаться переломной». Мы оба тогда не знали, что конкретно имел в виду обозреватель, но он оказался прав. Так считали и честно написали в вышедшей в Москве книге «Семнадцать весен Майи». «Слушай сюда, – говорит мне Гуфельд, забыв, что он родом не из Одессы – из Киева, – звон идет по всему Союзу из-за нашей остроты». Я подозрительно смотрю на него. Не он ли разрезвонил. Сейчас, по прошествии времени, не устаю любоваться ее классической красотой. Проводись чемпионаты мира в этой области, думаю, она вернулась бы призером по меньшей мере.

Вы улыбнулись. А вот повод для новой улыбки. Майя – чемпионка мира. В 17 лет! Об этом стало известно накануне через всезнайку телетайп. И уже не секретом – фактом должно стать достоянием читателей газеты «Заря Востока». Кому поручить почетное право написать очерк о чемпионке? Для молодого моего коллеги, самого прыткого из присутствовавших в то утро на планерке, была одна кандидатура – Михаил Ботвинник. Пытаюсь объяснить, что патриарх шахмат не будет писать в номер. При всем уважении знаменитого чемпиона к Грузии и грузинской газете. Редактор вопрошающе смотрит в мою сторону. Подозреваю, что он перелистывал нашу книгу «Все еще впереди». Смелый прогноз стал реальностью усилиями очаровательной девочки из Кутаиси. Телеграфные агентства не скупятся на восторженные оценки, вспоминая попутно наше пророчество. Но об этом станет известно позже, а пока получаю задание заменить Ботвинника, который об этом не подозревает. Пишу в номер, наступая на

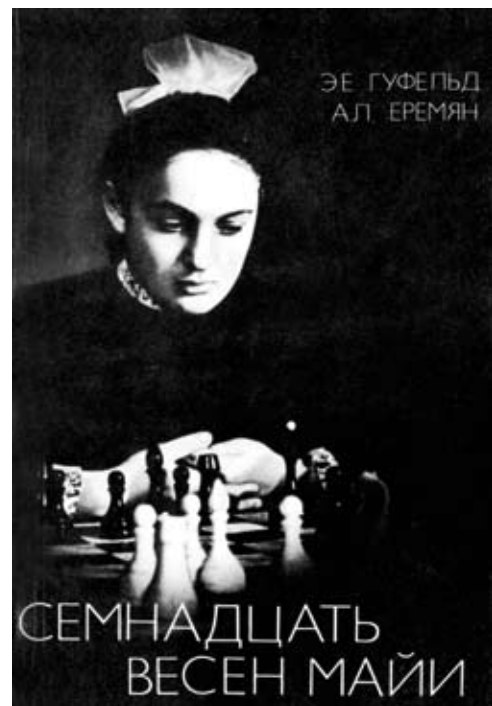
горло собственной песне. Больше думаю о количестве строк, и с качеством, думаю, все в порядке. Незаметно бежит время. Появляется Гуфельд, ревниво заглядывает в гранки из-за моего плеча и смотрит умоляюще, как Коля Остен-Бакен на польскую красавицу Ингу Зайонц. Но я тверд и непреклонен. И дважды на одни грабли не наступлю.

Но что это мы все о Майе? Время обратиться к персоне ее именитого наставника. С Гуфельдом я познакомился в середине 60-х годов, когда он женился и переехал на постоянное жительство в Тбилиси. Наше знакомство было «заочным», по телефону, полчаса мы соревновались в остроумии и разошлись, убедившись в примерном равенстве сил.

В юности Эдику и в голову не приходило, что он станет шахматистом. Большинство ребят из его киевской школы №131, что рядом со стадионом, на улице Руставели, увлекались футболом. Он только что вернулся с мамой в разрушенный Киев из Самарканда (отец погиб в первые месяцы войны), учился во втором классе, еще путался в таблице умножения, но каждую свободную минуту бежал на стадион.

У него на всю жизнь осталось убеждение, что во время войны многим родителям приходилось закрывать грудью своих детей, как это сделал легший на амбразуру пулемета молодой русский парень Александр Матросов. Вспоминал, как эвакуировались из Киева. Транспорта для беженцев практически не было, использовался любой шанс вывезти семьи военнослужащих. Им предоставили одну из последних возможностей покинуть столицу Украины, к которой уже приближались немецкие войска, – в пугмане, перевозившем пшеницу. Гуфельд вспоминал: «Состав был загружен почти до самого верха, и ехать пришлось прямо на зерне. И тут появился немецкий самолет. Фашист летел прямо над поездом, высунув голову и обстреливая из пулемета безоружных беженцев. Я, конечно, еще не понимал, что могу быть убитым, мне просто было очень любопытно. Немец свесил голову в шлеме и очках и ухмылялся, поливая нас свинцом. И моя бабушка раньше Матросова совершила аналогичный поступок. Она втиснула меня в верхние слои зерна, накрыла какими-то, оказавшимися под рукой, вещами и заслонила своим телом».

Эдик последовательно постигал премудрости великой игры: дворовая команда, футбольная секция

Неудачный ход, 1977 г. Фото Александра Саакова

городского Дворца пионеров, последние разбитые ботинки и первая настоящая футболка. «Гуфа, давай!» – кричали ему с трибуны, и худенький правый инсайд забивал голы, получая замечания от судей за азартные возгласы и чрезмерную жестикуляцию. После придирок судей он отводил душу за шахматами. На футбольных тренировках, стоило ему ошибиться, тренер поучал: «Это тебе не шахматы – тут думать надо!» Но продолжал сражаться на двух фронтах. Когда любовь к шахматам пересилила, Эдик сделал свой выбор. К тому времени он играл в юношеских первенствах Киева и за сборную команду школьников Украины, вместе с Андреем Бибой и Виктором Каневским, впоследствии знаменитыми футболистами киевского «Динамо».

Вершиной своей футбольной карьеры сам считал участие с капитанской повязкой в матче сборной шахматистов социалистических стран против команды «остального мира» на студенческой Олимпиаде в Хельсинки в 1961 году (он дважды удаивался золотых медалей этих престижных соревнований).

С этим «раздвоением личности» Гуфельда связан забавный эпизод. Ему довелось давать интервью спортивной газете «Журнал ду Бразил». Его расспрашивали о футболе, а футбольного короля Пеле – о шахматах. Пеле потом прислал замечательные сувениры – цветные фото с символикой бразильских клубов и письмо, начинавшееся словами: «Амиго Эдуардо...» Об этом Эдуард рассказал в редакции «Комсомольской правды» и о том, как на пляже в Тунисе играл в футбол с Фишером. На следующий день открывает газету и читает, что «Гуфельд, кстати, играл успешно в футбол против Пеле». Звонок в редакцию Гуфельда, который сам был мастером розыгрышей, прояснил обстановку – ночной редактор подумал, что на доске Гуфельд мог выиграть у шахматиста Фишера, а на поле – у футболиста Пеле. Гуфельду, возвеличенному до небес, оставалось утешаться сентенцией О' Генри: «Благословен будь, наивный...»

Со многими выдающимися иностранными шахматистами ему не довелось встречаться за шахматной доской, о чем сожалел не раз, а ведь выступление в крупных турнирах все равно, что игра виртуоза скрипача на скрипке Страдивари. Хотя вниманием корифеев шахматного мира не был обойден. В 1967 году на межзональном турнире в тунисском городе Сусе его представили Фишеру. Американец эмоционально отреагировал: «А, Гуфельд! Я вас знаю! Я видел вашу партию со Смысловым».

Партия была сыграна в том же году на IV Спартакиаде народов СССР в матче Украина-Москва и вызвала огромный интерес столпившихся вокруг доски участников турнира. По встревоженным лицам товарищей по команде он понял, что они расценивают шансы в пользу экс-чемпиона мира. Каково же было общее удивление, когда последовала жертва двух фигур подряд. В этот момент Гуфельд увидел Михаила Ботвинника. Изучающе посмотрев на доску, а затем на его физиономию, патриарх шахмат отошел и взял под руку Геллера, который играл с Петросяном и встал со своего стула. Они о чем-то пошептались. Много-много лет спустя Геллер передал другу содержание разговора. «Ефим Петрович, – спросил Ботвинник, – что это за босяк играет в вашей команде?!» Игра Гуфельда в этой партии шла настолько вразрез с общепринятыми «правилами поведения» на шахматной доске, что могла вызвать ассоциацию с уличным хулиганством. На другой день после партии, завершившейся поражением Смылова, Ботвинник подошел к Гуфельду. «Эдуард Ефимович, – подчеркнуто уважительно обратился он, – какого вы мнения о вчерашней вашей комбинации?» – «Мне кажется, что черные нигде не стоят хуже» – «Я проанализировал партию. Мне тоже так показалось». Свой рассказ Гуфельд завершает предельно скромно и с достоинством: «Есть шахматисты, которым эта партия нравится даже больше, чем моя «бессмертная». Например, об этом мне говорил Геллер. Но я все же придерживаюсь старого мнения...»

«Бессмертная», она же «Джоконда», партия Багиров–Гуфельд (Кировабад, 1973 г.) – подлинный шедевр

моего друга, созданный в его «звездный час», была признана второй среди десяти лучших партий XX века, отобранных для конкурса Белградским телевидением, а в роли жюри выступали миллионы телезрителей.

Советские шахматисты летели самолетом на межзональный турнир в Бразилию, когда Гуфельд предложил для разминки проанализировать позицию из своей «бессмертной партии». Это была поистине дискуссия на высоком уровне не только потому, что во время перелета Рим–Рио-де-Жанейро самолет поднялся над Атлантическим океаном на 12 тысяч метров... Вряд ли ему бы посчастливилось на земле организовать дискуссию с участием Смыслова, Кереса, Геллера, Полугаевского, Бронштейна, Васюкова, Савона и других именитых шахматистов. Пролетев четверть земного меридиана, Гуфельду удалось отстоять свою оценку позиции.

Опубликовав эту партию в американском журнале «Чесс лайф энд ревю», редакторы сочли ее настолько значительной, что посвятили Роберту Фишеру. Гуфельд

обыграть кого угодно».

В красивой «коллекции скальпов», собранных Гуфельдом, победы над экс-чемпионами мира Смысловым, Талем, Спасским, гроссмейстерами Бронштейном, Полугаевским, Штейном, Ваганяном, Белявским, Псахисом, Хюбнером, Гортом, Глигоричем... Особое удовольствие ему доставлял такой факт: в серии «Выдающиеся шахматисты мира» читатель найдет, пожалуй, только одну партию, отлично выигранную у Гуфельда – в книге о Петросяне.

Вспоминаю 70-е годы, когда Эдуард Ефимович был самым популярным автором нашей «Зари Востока». Он появлялся в редакционных кабинетах, и тогда падала до нуля производительность труда работников отделов и секретариата: говорил и показывал Эдуард Гуфельд! Он оставался гроссмейстером мирового класса, играл в турнирах, но принадлежал и к числу избранных, интересно пишущих о шахматах, которых вообще раз-два и обчелся. В чехословацком шахматном издании «Чехословацки шах» завели даже рубрику «Из анекдотов Эдуарда Гуфельда». И своими познаниями, любопытнейшими историями он делился в «Заре». Помню, в Тбилиси проходило первенство СССР по шахматам (первая лига). Эдик играл с переменным успехом. Как-то поделился со мной своей заботой: «Понимаешь, играю, но больше думаю, чтобы такое интересное написать тебе в номер».

Таким он был в жизни – обладатель золотой медали командного первенства СССР, многократный чемпион Вооруженных Сил, участник многих международных турниров, первенств страны, заслуженный тренер СССР и Грузии, шахматный наставник пятикратной чемпионки мира Майи Чибурданидзе и женской сборной Грузии, старший тренер олимпийской женской сборной СССР... Певец шахматной красоты, видный теоретик, журналист и литератор. Труженик в шахматах, знавший большие победы и все же не

реализовавший до конца свой огромный потенциал. Тонкий психолог и опытный наставник, к услугам которого многие годы прибегал претендент на мировое первенство Ефим Геллер (Геллер шутил: «Еще неизвестно, кто кого тренирует»). Чего стоит его плакат в ответственный период соревнования: «Генацвале, до бессмертия 4 очка!» Он знал радость творчества и сокрушительные катастрофы, когда от желанной цели его отдаляли капризы судьбы и вероломство людей. Переживал, когда его отстранили от работы тренером Майи Чибурданидзе, достигшей с ним пика славы и которую в новогодней анкете назвал своим лучшим шахматным произведением.

А потеря Майи куда значительнее. В Маниле пода-

Сборная молодежная Грузии: З.Азмайпарашвили, И.Ефимов, С.Лпутян, З.Стура, Э.Гуфельд (тренер), М.Чибурданидзе, Н.Иоселиани, 1977 г.

писал: «Ни одна партия не принесла мне такого творческого удовлетворения, как эта. До сих пор чувствую себя счастливым, вспоминая о ней. И тогда забываются все спортивные неудачи, а остается радость осуществленной мечты».

Известный шахматный писатель Виктор Васильев подметил, что в силу своего самолюбия Эдуард особенно ярко играет против известных гроссмейстеров. «Тут он действует с предельной отдачей. Натура очень эмоциональная, даже экспансивная, Гуфельд в шахматных спектаклях играет не главные, а чаще всего характерные роли, но в них бывает иногда чудо как хорошо!» Как тут не вспомнить отзыв Михаила Таля: «Гуфельд – это шахматист, который под настроение может

рила Се Цзюнь на блюдечке с голубой каемочкой не яблочко – шахматную корону, хотя на порядок сильнее талантливой китайки, что и доказывала на каждой Олимпиаде, разбивая ее на первой доске в пух и прах.

В пресс-центре матча на первенство мира Карпов-Каспаров, 1984 г.

И хотя у нашей чемпионки, чье имя занесено в Книгу рекордов Гиннеса, пять титулов чемпионки мира, досада не оставляет каждого, кто фатально полюбил эту выдающуюся шахматистку.

И снова вспоминается пятизвездочный «Манила-отель», солидный, старинный, классический особняк, где Се играла почти что в домашних условиях. На Филиппинах проживает до двух миллионов китайцев, столько же и коренного населения. Старинная китайская поговорка учит: «Кто хочет украсть тигренка, должен отважиться влезть в логово тигра». Поговорка уж очень китайская, но кроме отваги, отправляясь на матч, нелишне было сохранить чувство опасности. Опасности подстерегают нас на каждом шагу. В Маниле партии игрались в том же отеле, в так называемом митинг-холле, где зрители располагались в нескольких метрах от столика, за которым играли шахматистки. И любому человеку с длинными руками под силу не только взять с него яблоко или банан, но и снять пешку с доски. И подсказать не слишком громко на китайском языке, который Майя, конечно же, не успела выучить. Но кто мешал поместить рядом грузина или еврея, вменив им в обязанность ту же функцию.

Не будем сыпать соль на незаживающую рану. Приедаются все, даже шахматы. И пойдем девочку, которой вместо куклы дали эти жестокие фигурки и ве-

лели их двигать, двигать...

Не знаю, утешился ли Эдуард после шахматных и жизненных невзгод, читая в странах Юго-Восточной Азии лекции на Гуфельд-инглиш, который его слушатели понимали лучше литературного английского. Последний раз я его видел в начале девяностых годов, когда по первому звонку приехал к нему в военный городок на Черноморской улице, где он жил в «офицерском» корпусе. Эдик только вернулся из зарубежной поездки. На проспекте Руставели шла непонятная, странная война. Он все порывался сварить кофе для меня, но воды в кране не было. Его беспокоили боли в ногах, он с трудом ходил. «Что мне делать?» – спросил меня растерянно. – «Уезжай немедленно в аэропорт, – говорю, – в Киев, к маме».

Больше мы не виделись. Он переехал в Лос-Анджелес, стал чемпионом США среди ветеранов, опередив знаменитых американцев Арнольда Денкера и Артура Бисгайера, издал свою главную книгу – «Моя жизнь в шахматах», с партиями, среди которых я обнаружил посвященную мне: «Моему другу из Грузии Арсену Еремяню». Иногда называл мне из «американского Авлабара». «Целуй Грузию, – сказал мне из-за океана, – нет лучше страны в мире». И с каждым телефонным звонком его голос звучал все реже и глуше, как шум колес ушедшего поезда.

23 сентября 2002 года Эдуард скончался в медицинском центре «Синай» Лос-Анджелеса, так и не выйдя из комы после обширного инсульта. Написанное мною в тот день стихотворение – мой скромный венок на его могилу.

Разводят друзей океаны.
Жизнь в тягость – ищи другую.
Ходи хоть слоном окаянным,
По Джоконде своей тоскуя.

Ниагарой пролился на инглиш,
Слыл королем шутки.
Под каждой крышей своя судьба,
свои мыши,
Подметил Иосиф Уткин.

Оставим другим вздохи.
И книги навзничь. Так воины
Лежат у стен Антиохии.
Прости сравнение невольное.

Ищу тебя в Интернете,
Вдовий на сайте заказ.
Прорвутся в сонме запретов
Все, кто запомнят нас.

Уходим в горние выси мы.
Тяжелы обиды вериги.
А жизнь коротка, счастье мнимо.
Вечность в твоей книге.

Арсен ЕРЕМЯН

Главный приоритет

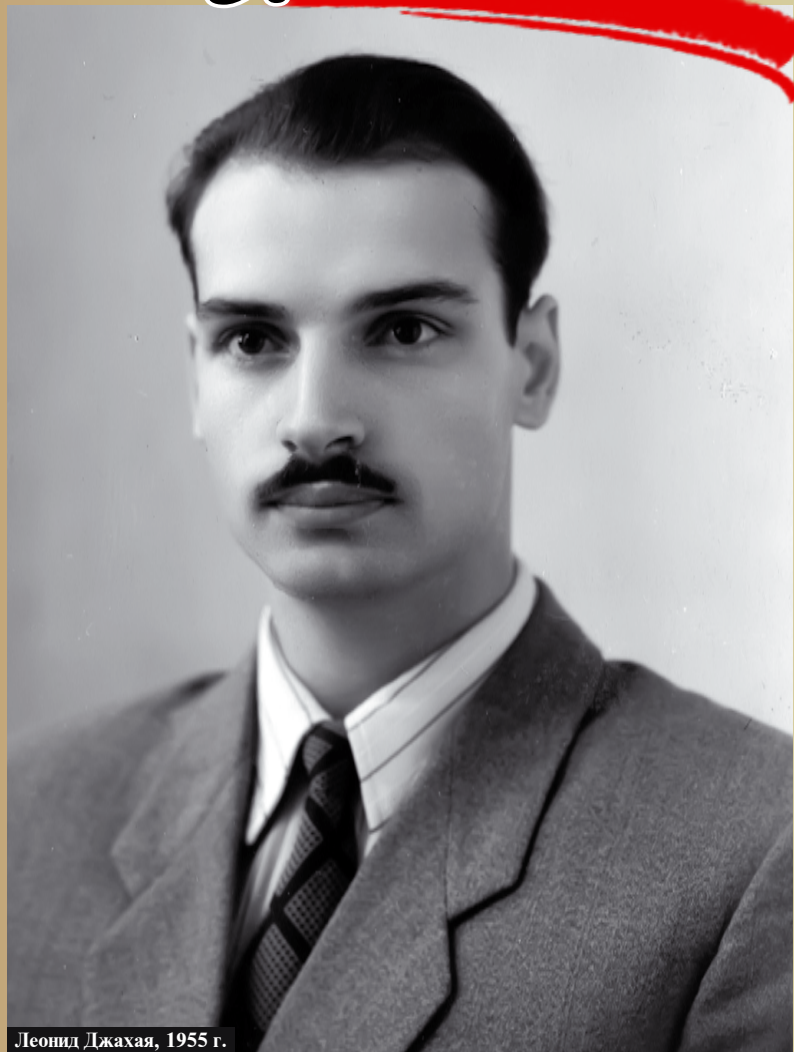
У вице-президента Академии педагогических наук Грузии, доктора философских наук, профессора Леонида Джахая юбилей. С ним беседует корреспондент «Русского клуба».

– Леонид Григорьевич, поздравляю вас с 75-летием и 50-летием научно-педагогической деятельности. Что вы считаете своим достижением в науке?

– Рассказывать о моих достижениях в философии, науковедении или космологии, изложенных в 20 монографиях, вряд ли будет интересно читателям журнала. Скажу коротко: «Я сделал в жизни все, что смог, –/ Поэт, ученый, педагог!»

– Над чем сейчас работаете?

– После того, как в Тбилиси вышли из печати мои книги «Философское миропонимание» (2003), справочник «Грузинские философы», «Введение в общую социологию» (2005), «Стихи разных лет» (2004), я целиком сосредоточился на подготовке второго, переработанного и дополненного издания моей книги «Вакуум», которая вышла в Сухуми в 1990 году и в которой изложена моя новая космологическая концепция – вакуумная теория вещества и поля. Когда в 2004 году в Киеве было создано Международное философско-космологическое общество, я тогда же стал его соучредителем, и именно там моя космологичес-

Леонид Джахая, 1955 г.

К.Рашишвили, Н.Васадзе, Л.Джахая, 2005 г.

кая концепция получила международное признание. Считаю своим первейшим долгом завершить эту концепцию, альтернативную теории «Большого взрыва» Георгия Гамова.

– Вы вице-президент Академии педагогических наук Грузии. Каковы ее планы?

– В свое время, в 1993 году, я был инициатором создания Академии. Тогда, в апреле 1993 года, в

газете «Ганатлеба» появилась моя статья. Последовали отклики, тбилисская интеллигенция подхватила эту идею, активно поддержала ее, и в 1995 году была создана Академия педагогических наук Грузии, которую возглавила профессор Натела Васадзе. За десять с лишним лет Академия, объединяющая педагогическую элиту страны и видных зарубежных ученых, провела много интересных мероприятий, вышло десять номеров журнала «Вестник АПН». Правда, сейчас Академия переживает не лучшие времена: в результате несправедливых реформ в сфере среднего и высшего образования многие профессора лишились работы, не хватает средств для нормального функционирования Академии. И тем не менее Академия педагогических наук Грузии живет и продолжает свою деятельность. Мы видим свою основную задачу в том, чтобы даже в нынешних тяжелейших условиях во что бы то ни стало сохранить Академию и затем передать ее молодежи, нашей смене, продолжательнице традиций грузинской педагогической науки.

– У вас сохранились давние творческие и дружеские связи со многими видными деятелями науки Москвы, ближнего и дальнего зарубежья. Расскажите об этом хотя бы вкратце.

– Мои творческие связи с Россией, Москвой, Мос-

ковским университетом, а также с Украиной, Эстонией, Латвией, Молдовой, Азербайджаном, Болгарией, Чехией, Словакией отвечали интернациональному духу и умонастроению далекой советской эпохи. В 1951 году я с золотой медалью окончил сухумскую 2-ю мужскую среднюю школу имени А.С.Пушкина и поступил в Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова – лучший вуз страны. С тех пор моя жизнь и научная деятельность были многосторонне связаны с этим университетом. Дважды я проходил стажировку в МГУ. Там же в 1970 году защитил докторскую диссертацию на тему: «Классификация наук как философская и науковедческая проблема» (годом раньше вышла моя книга под этим же названием).

Моими официальными оппонентами были выдающиеся ученые, корифеи в области философии: академик М.Б.Митин, заведующий кафедрой философии МГУ профессор И.Д.Панцхава, главный редактор журнала «Философские науки» профессор В.С.Готт, заместитель редактора этого журнала профессор З.М.Оруджев. После защиты докторской диссертации я был избран профессором Московского университета.

Моим самым близким другом в Московском университете на протяжении 30 лет был профессор Георгий Васильевич Платонов, большой ученый, автор многих книг и фундаментальных исследований, лауреат Государственной и Ломоносовской премий, заведующий кафедрой философии МГУ. Он всегда с большой теплотой относился к Грузии и грузинам, и невестка у

С супругой Ольгой Петриашвили и внуком Нико, 2007 г.

него была грузинка, Медея Ахалая. В 60-е годы меня, тогда еще молодого сухумского ученого, он ввел в большую науку Московского университета, всячески опекал, помогал советами. Вскоре мы стали соавторами нескольких солидных книг и изданий, и это научное сотрудничество переросло в дружбу на долгие годы. Несколько раз он приезжал на отдых в Сухуми и Гагра, я тоже гостил у него в Москве и на даче в Переделкино. Скончался он в 2006 году, в возрасте 88 лет.

В те далекие времена мы хорошо знали и высоко

ценили русскую классическую литературу и культуру. Неудивительно поэтому, что когда я находился на преподавательской работе в Университете Коменского в Братиславе, столице Словакии, я летом 1986 года вместе с семьей посетил парковый комплекс «Бродзяны» в окрестностях города Пештяны. Известно, что сестра Натальи Николаевны Гончаровой, жены Пушкина, – Александра Гончарова вышла замуж за австрийского посланника в России графа Фризенгофа. После отъезда из России чета Фризенгофов поселилась в своем имении Бродзяны. Наталья Николаевна навещала свою сестру в Бродзянах, и с тех пор это место в Словакии стало исторической достопримечательностью, прямо или косвенно связанной с именем Александра Сергеевича Пушкина. Прогуливаясь в парке с огромными вековыми деревьями, мы любовались красотой окружающей природы, познакомились с усадьбой, ставшей мемориальным музеем. Приятно вспомнить также, что моя 3-летняя научно-педагогическая деятельность в Словакии была достойно оценена: Университет Коменского в Братиславе наградили меня весьма престижной «Большой медалью Яна Амоса Коменского – за выдающуюся помощь в педагогическом процессе и при подготовке аспирантов в 1983-1984 и 1984-1985 учебных годах, а правительство Словакии наградило медалью «За заслуги в развитии просвещения».

20-летнее творческое сотрудничество связывало меня с членом-корреспондентом Академии наук Украины Геннадием Михайловичем Добровым, главой украинской школы науковедения. К сожалению, он рано ушел из жизни, однако наша совместная работа оставила заметный след в истории науки. Этот список я мог бы продолжать славными именами – профессора Эдуард Владимирович Гирусов и Петр Васильевич Алексеев в Москве, Борис Львович Тамм в Таллинне, Борис Никифорович Страту в Кишиневе, Сейфулла Гудратович Асадуллаев в Баку, Христо Мутафов в Софии и другие. Меня много и охотно печатали и до сих пор печатают в московских и киевских журналах и изданиях, несмотря на нынешнюю политическую конъюнктуру.

– А что бы вы могли рассказать о своей работе в Болгарии?

– Мое пребывание в Болгарии на преподавательской работе в Софийском университете «Климент Охридски» было примечательно тем, что впервые в стенах этого европейского университета курс лекций по философии читал представитель грузинской науки. Кроме чисто профессионального интереса, эта поездка запомнилась богатством дружеских встреч с болгарскими философами, исключительно теплым, братским отношением к нашей стране.

Расскажу только об одном эпизоде, связанном с переводом на болгарский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». О существовании его я ничего не знал, пока совершенно случайно не встретил эту книгу в Народной библиотеке «Кирилл и Мефодий» в Софии. Оказывается, книга эта была издана в Софии в 1975 году под названием «Витязът в тигрова кожа»

в издательстве «Световна класика» («Мировая классика») в переводе Стояна Бакирджиева, под редакцией Иванэ Бицадзе (он же автор кратких примечаний в конце книги). Очень теплое, проникновенное предисловие «Шота Руставели – певец идеалов Ренессанса» написал профессор Софийского университета Велчо Велчов. Книга вышла тиражом 25.125 экземпляров. У меня в Сухуми была большая коллекция переводов поэмы Руставели на иностранные языки, и я не мог уехать из Болгарии без болгарского перевода. Первым делом я обошел все книжные магазины в Софии, но безрезультатно.

И тогда я обратился за помощью к моему болгарскому другу, декану философского факультета Софийского университета Кириллу Нешеву. Кирилл Нешев обещал сделать все возможное, чтобы, как он сказал, «внести свой вклад в укрепление болгаро-грузинских культурных связей». И вот в день рождения моего сына, во время торжества, на которое были приглашены болгарские гости, Кирилл Нешев преподнес сыну подарок – перевод «Витязя...» с трогательной надписью на болгарском языке. Он раздобыл этот экземпляр у Стояна Бакирджиева, из его личной библиотеки.

– У вас поистине академическая семья: ваша супруга – Ольга Михайловна Петриашвили – доктор филологических наук, профессор, старший сын Георгий защитил кандидатскую диссертацию по экономической теории, успешно совмещает преподавательскую работу с практической деятельностью, младший сын Мераб – высококвалифицированный юрист... Это что – семейная традиция?

– Можно сказать, что это действительно так, хотя условия для академических занятий были, прямо скажу, труднейшие. После трагических событий в Абхазии мы оказались в Тбилиси. Сложные, неустроенные девяностые годы никогда не изгладятся из нашей памяти. И тем не менее мы работали и учились. Я занимал должность декана филологического факультета, жена читала лекции по истории русской литературы, сын Георгий учился и работал. Затем последовали защиты диссертаций жены и сына в Тбилисском университете, свадьба старшего сына, который сейчас уже отец семейства, у него два сына. Жизнь продолжается, а занятия наукой, искусством по-прежнему остаются главным приоритетом семьи.

– Вы счастливый человек?

– И да, и нет. Да, потому что я многого достиг в науке, моя 50-летняя педагогическая деятельность в Сухумском пединституте, Грузинском институте субтропического хозяйства, в Софийском университете «Климент Охридски», в Университете Коменского в Братиславе, в Сухумском университете (в Тбилиси) тоже складывалась успешно. У меня замечательная семья, двое взрослых сыновей, прекрасная невестка Нино, двое внуков.

Но осталась незаживающая рана в душе – Абхазия, Сухуми, родимый край, где я родился и вырос, где

Медаль за заслуги в развитии просвещения (Словакия)

Большая медаль Яна Амоса Коменского (Словакия)

прошли мои лучшие годы, где были любовь и дружба, творческие озарения и поэтические вдохновения, где остались родной дом и могилы родителей, которые я не могу посетить... Как политолог, я не верю в чудеса. Наверное, должно пройти достаточное время, чтобы проблема Абхазии могла быть решена достойным для Грузии путем.

Проблемы Абхазии волнуют меня не только потому, что я сам из Сухуми, я еще и председатель общества «Сохумели», оно было создано в Сухуми в 1991 году, у него на счету много добрых дел. Помню, летом 1992 года, за месяц до начала военных действий в Абхазии, мы организовали приезд в Сухуми нашего прославленного земляка, народного артиста СССР, солиста Большого театра Зураба Соткилава. Состоялся грандиозный концерт, на котором присутствовала многонациональная общественность города. Уже здесь, в Тбилиси, мы отпраздновали 70-летие Зураба, специально прибывшего из Москвы на свой юбилей. Сейчас готовим красочный альбом почтовых открыток с видами Сухуми, он выйдет в ближайшие месяцы.

– Грузинская общественность знает вас как автора нескольких поэтических сборников. Можно ли ожидать новых стихов?

– Стихи я стал сочинять еще в детстве. Позже писал их на русском, грузинском и французском языках, но только в 1994 году, оказавшись в Тбилиси в экстремальных условиях, издал несколько сборников стихов: «Космические элегии» (1994), «Итоги» (1998), «Постскриптум» (2000), «Стихи разных лет» (2004). Отклики в печати были весьма доброжелательные, однако новых стихов не обещаю: в моем возрасте Муза все реже пощечает меня.

Нинель МЕЛКАДЗЕ

ЕГО ВЫСОЧЕСТВО... АРТИСТ!

*Народному артисту России и Грузии
Ефиму Байковскому - 80 лет.*

Ну нет же, Фима! Нет и нет!
Тебе не восемьдесят лет!
Тебе – от силы, пятьдесят!
Не надо! Не смотри назад!
Не унывай! Смотри вперед!
С тобой твой зритель, твой народ!
Тебя он любит и зовет!
И за тобой всегда идет!
Идет, и не свернет с пути!
И, дай Бог, вместе вам идти!

На юбилее Ефима Байковского

Он стоит перед бушующим зрительным залом. Ниспадает вниз золотой наряд веронского герцога. Мы не видим ног артиста: их от нас скрывают протянутые зрительские руки с многочисленными букетами цветов, в которых буквально тонет его могучий торс. По усталому лицу стекают капельки золотого пота, и, застывшие в глазах, слезы тоже кажутся золотыми в свете ярких прожекторов... Это – слезы любви и благодарности. Вот он – момент истины! Вот оно – таинственное единение актера с его зрителем! На прослав-

ленной столичной сцене академического театра им. Маяковского сыгран очередной спектакль, который волею судьбы для лицедея стал юбилейным! Много раз он выходил к зрителю в этой горинской пьесе «Чума на оба ваши дома...», и не раз еще выйдет. Но сегодняшний день для народного артиста России и Грузии Ефима Исааковича Байковского – особый. Сегодня его день! И это – его зал, это – его зритель, и это для него, своего зрителя сегодня, как и всегда, работал замечательный и прекрасный Артист! Звуки оркестра перекрываются восторженными криками «браво!» Артист хочет что-то сказать, и зал мгновенно стихает. Он произносит первые слова, но комок в горле не дает ему говорить. И он покидает сцену, но раз за разом должен снова и снова возвращаться по требованию не стихающего и не желающего угомониться зрителя... И вот, наконец, он находит силы что-то сказать, и вновь наступает тишина. Ему протягивают микрофон, но разве нужен микрофон тому, чей даже шепот привыкли отчетливо слышать самые последние

ряды? И он говорит, что эта встреча со зрителем, эти аплодисменты, это безоговорочное признание, - все это и есть то, ради чего он явился на этот свет, ради чего жил, учился, трудился, недосыпал и недоедал, болел и страдал, радовался и плакал, отчаивался и гордился, любил и ненавидел, искал и находил! И ради этих мгновений признания именно и стоит жить, и за это можно отдать все, вплоть до самой жизни, которую он и вручает раз за разом самому дорогому, и бесценному что у него есть на этом свете – своему зрителю...

Постойте! А когда это все началось? Когда зародилась эта всепобеждающая любовь – Артист и его зритель? Может быть, много лет назад, в Свердловске, на школьном утреннике, когда первоклассник Фима отважился прочесть стихи великого Пушкина? Или когда пятнадцатилетний Фима Байковский был принят в театральную студию находящегося в эвакуации в Свердловске Ленинградского Нового театра (Театра имени Ленсовета)?

А, может быть, все случилось уже в Ленинграде, где, закончив студию, восемнадцатилетний Фима (единственный из учеников!) был оставлен в труппе Нового театра? Скорее всего, зритель узнал и полюбил этого прекрасного артиста уже тогда: ведь он на равных с опытными коллегами осваивал самые знаменитые роли!

А потом был Орел с ролями Кассио и Ивана Земнухова. И встреча с главной в его жизни любовью – с партнершей по сцене, замечательной актрисой Ниночкой Артуновской, которой была посвящена вся его дальнейшая жизнь...

Четыре сезона в Орле и переезд в Мурманск, где его ждала роль Юлиуса Фучика и другие роли текущего репертуара. А дальше был Вильнюс с ролью Германа в «Тане» и Ведерникова в «Годах странствий» А. Арбузова, а партнершей стала пленительная Элина Быстрицкая. Там же сыгран романтический красавец Улдис в спектакле «Вей ветерок!» по пьесе Я. Райниса.

Но через несколько лет Ефим и Нина вновь в пути! Они следуют за «своим» режиссером Еленой Марковой в Челябинск. Здесь сыграны десятки ролей, таких, как Никита во «Власти тьмы» Л. Толстого, Черкун в «Варварах» и Петр в «Деле Артамоновых» М. Горького, Чацкий в «Горе от ума» А. Грибоедова, Доменико Сориано в «Филумене Мартурано» Э. Де Филиппо, Фердинанд в «Коварстве и любви» Ф. Шиллера, Эдмунд в «Короле Лире» В. Шекспира, Вронский в «Анне Карениной» Л. Толстого и многие-многие другие.

А потом Байковский и Артуновская окажутся в солнечном Тбилиси, куда их пригласит Гига Лордкипанидзе. И будет блистательно сыграна роль Арбенина в лермонтовском «Маскараде» и роль Паратова в «Бесприданнице» А. Островского, где партнершей Ефима будет обворожительная Ариадна Шенгелая. В Тбилиси Байковский сыграет Иванова в чеховском «Иванове», Балясникова в «Сказках старого Арбата» и Гусят-

это далеко не все роли, сыгранные на грузинской земле – были и многие другие... А еще были конкурсы по художественному чтению, исполнению произведений Маяковского и другие, организованные Театральным обществом Грузии, на которых Байковский, как правило, оказывался в числе лауреатов, непременно завоевывающая первые премии. А еще были регулярные выступления на телевидении, да, мало ли, чего еще было на прекрасной, благодатной и благодарной грузинской земле! А разве можно не упомянуть дружбу с такими замечательными людьми, как великая актриса, народная артистка СССР Наталья Бурмистрова, народная артистка России и Грузии Ариадна Шенгелая, народные артисты Грузии Елена Килосанидзе, Игорь

Е. Байковский - Арбенин.
Лермонтов «Маскарад»

Злобин, Борис Казинец, Валентина Семина, Тамара Белоусова, Михаил Иоффе, Екатерина Агаларова, Даниил Славин, заслуженные артисты Грузии Лариса Крылова, Ирина Квицинадзе, Юрий Суханов, Джемал Сихарулидзе, Нора Кутателадзе, Людмила Артемова-Мгебришвили, режиссеры Гига Лордкипанидзе, Котэ Сурмава и другие, доброжелательная Надежда Шалугашвили, руководство Грузии в лице Эдуарда Шеварднадзе и Виктории Сирадзе, дружба с великой Верико Анджaparидзе, Софико Чиаурели, Котэ Махарадзе, Отаром Тактакишвили, Зурабом Соткилава, Нани Бреговдзе, Гурамом Сагарадзе, Серго Закариадзе, Д. Алексидзе, Д. Антадзе и многими-многими другими, навсегда запечатленными в его памяти и сердце? Своей дружбой, сердечным вниманием, заботой на долгие годы одарил Ефима Байковского видный театральный и общественный деятель, директор театра им. Грибоедова и президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий. Здесь, в Грузии зародилась и продолжающаяся по сей день дружба Фимы и Нины с поэтом-драматургом Зауром Квицинадзе и его женой Валентиной Кудряшевой.

А после Грузии был снова Ленинград. «Александринка». Здесь Ефим Байковский встречается на сцене с Ю. Толубеевым, В. Меркурьевым, А. Борисовым, Б. Фрейндлих, И. Горбачевым, Н. Ургант, Г. Карелиной. Сыграны роли: Прохор в «Вассе Железновой» М. Горького, Продик в «Беседах с Сократом» Э. Радзинского, Грацианский в «Приглашении к жизни» Л. Леонова, Звездинский в «Плодах просвещения» Л.

Цветы юбиляру

никова в «В этом милом старом доме» Арбузова, он сыграет Кима в пьесе Розова «С вечера до полудня» и Николая I в «Шагах командора» В. Коростылева. И

Толстого и другие...

И вот, наконец, Москва, где все началось с исполнения роли кремлевского Деда Мороза! Роль, которую гигант Байковский, конечно же, не мог исполнить плохо! А дальше был Новый театр Виталия Ланского. Здесь сыграны главные роли в драмах «Тайна сако-

Е. Байковский и А. Шенгелая. А. Островский «Бесприданница»

Е. Байковский - Гусятников. А. Арбузов «В этом миллом старом доме»

фага» А. Софронова, «Отель «Забвение» Р. Ибрагимбекова, «Монолог на городской площади» Г. Зубкова. Здесь же сыгран Скрыплюль в комедии Ж. Реньяра «Единственный наследник» и потрясающий Соломон в «Цене» А. Миллера!

А потом Ефима Исааковича позвал к себе Андрей Гончаров, и Байковский вошел в труппу одного из самых прославленных театров нашей страны. Он играет Барнхема в «Виктории?..» Т. Реттигана, Бобринца в «Закате» И. Бабеля, Федора Ивановича в

«Плодах просвещения» Л. Толстого, Клода Нау в «Да здравствует королева, виват!» Р. Болта, Ристу Тодоровича в «Госпоже министерше» Б. Нушича, Мьюила в «Кине IV» Г. Горина, Салай Салтаныча в «Жертве века» А. Островского и многое другое... А коллегами и партнерами его стали такие артисты, как Н. Гундарева, Э. Виторган, Е. Симонова, А. Лазарев, С. Немоляева, Ю. Никулин, Н. Бутырцева, О. Прокофьева, А. Ильин, Т. Карпова, И. Охлупин, И. Костолевский, Г. Анисимова, Г. Беляева, В. Запорожский, О. Яковлева, О. Судзиловская, Д. Повереннова и многие другие.

Разве этот краткий перечень сделанного не объясняет огромную, не проходящую, верную и благодарную любовь зрителя к своему Артисту? Конечно, все дело в этом, но не только в этом, а еще и в том, какова душа этого большого человека, стоящего сегодня перед покоренным им залом...

Сегодня у него юбилей! Ему исполнилось 80 лет! 80 лет, которые ни он, ни его зритель, ни признавать, ни

замечать совершенно не желают. Но пришел юбилей! И через несколько минут об этом со сцены скажет художественный руководитель театра народный артист России, лауреат Государственных премий Сергей Николаевич Арцибашев. И он покажет зрителям большую пачку приветственных телеграмм, пришедших из разных стран и городов. Юбиляра поздравили коллеги из разных театров, друзья, ученики, поздравили Министерство культуры, Союз театральных деятелей и многочисленные поклонники его таланта.

Потом юбиляр поднимется в свою грим-уборную, в которой даже хозяину просто не останется места от многочисленных подарков, настолько, что пришедший поздравить коллегу народный артист России Федор Чеханков скажет в шутку, что такого он не видел даже в гримерке Галины Улановой. А потом будет банкет, на котором молодые актеры театра покажут замечательный «капустник», посвященный юбиляру. Это будет иронический рассказ об абитуриентах, мечтающих поступить в ученики к великому Ефиму. В капустнике артисты развернут большой плакат, на котором будут представлены в рисунках все места жительства и работы юбиляра. И вести вечер будет Сергей Арцибашев. И заслуженный артист России Анатолий Лобцкий великолепно, с грузинским акцентом, прочтет поздравительный приветственный адрес от Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, где так плодотворно работал юбиляр. И будут оглашены многие другие приветствия и телеграммы. Добрые, проникновенные слова скажут Федор Чеханков и специально приехавший из С.-Петербурга один из ведущих артистов Александринского театра, заслуженный артист России С. Сытник. Сытник от имени руководства театра пригласит юбиляра вернуться в Петербург, где ему обещано вернуть на сцену все его спектакли. Юбиляра будет приветствовать один из его учеников – ныне народный артист России Ю. Митрофанов. Теплые слова о юбиляре скажет политический обозреватель, журналист, писатель и драматург Г. Зубков. Свое поздравление огласит и заслуженный деятель искусств России Т. Ахрамкова – режиссер-постановщик спектакля «Чума на оба ваши дома» Г. Горина. В финале своего выступления Ахрамкова исполнит песню Э. Пресли на английском языке. Очень тепло поздравят юбиляра народные артисты России С. Немоляева и А. Лазарев. И будет еще много теплых слов, шуточных тостов, поздравлений и пожеланий. И рядом с юбиляром будет восседать его брат Юрий, приехавший в Москву разделить юбилейные хлопоты знаменитого брата. Все это будет, и очень скоро...

А пока происходит то, важнее чего для Артиста на свете ничего нет: пока он наедине со своим залом... Они напротив друг друга: прекрасный, удивительный, уникальный и неповторимый Артист и его благодарный, доброжелательный, замечательный и всегда любимый зритель. Это их минута... Пожалуйста, не мешайте им... Они счастливы....

Заур КВИЖИНАДЗЕ

ТЕАТР АМИРАНА

«Амиран Шаликашвили – человек-легенда, замечательный, творческий человек, талантливый режиссер. Он стал основателем современной пантомимы. Это не Марсель Марсо. Амиран создал именно драматический театр пантомимы, было это еще в советские времена. Он просто гений, придумавший уникальную методику, которая не утратила своей актуальности и по сей день, альтернативы ей пока нет» - написал о бессменном руководителе Грузинского театра пантомимы его ученик, мим и режиссер Паата Цицуришвили, ныне работающий за рубежом. Театр Амирана Шаликашвили – обладатель множества призов и наград, полученных в самых разных точках театральной карты Европы.

ОТ ВАЛЕРИАНА ШАЛИКАШВИЛИ ДО...

- Мой дед - известный до революции режиссер, драматург, артист, основоположник реалистической школы театрального искусства Валериан Шаликашвили. Отец, тоже Валериан, артист Батумского театра, был репрессирован, сослан в Среднюю Азию, в город Коканд. Когда я вернулся из ссылки, то бабушка забрала меня, пятилетнего ребенка, в деревню Акети Ланчхутского района. Повзрослев, захотел поступить в театральный, чем вызвал гнев родных – потому что театр стал чем-то роковым для рода Шаликашвили. Но я все-таки поступил на

Амиран Шаликашвили

режиссерский факультет культурно-просветительского училища. Моим педагогом был Антон Тавзарашвили. Позднее, уже в театральном институте, я учился у Додо Алексидзе. Потом пять лет пел в оперетте, пять сезонов играл в театре имени Марджанишвили, где моей партнершей была сама Верико Анджапаридзе...

Сцена из спектакля

«НАЧАЛО БЫЛО ТАК ДАЛЕКО, ТАК РОБОК ПЕРВЫЙ ИНТЕРЕС...»

- Тогда все стремились в Москву – театральную Мекку СССР. Я тоже не был исключением. И вот однажды увидел там великий спектакль Джорджо Стрелера «Арлекин, слуга двух господ». Меня поразили ловкость в трюках и мастерство пантомимы в коротких комических сценах «лацци». В 1961 году, когда увидел в Москве короля пантомимы Марселя Марсо, был буквально ошеломлен... Я попал в рай – никто ничего не говорит, играет музыка, и все понятно!

Вернувшись в Тбилиси, стал рассказывать в институте о том, что существует такое искусство - пантомима. А мне сказали: мы готовим тебя как драматического актера, пантомима тебе не нужна. На какое-то время я с этим согласился. А потом...

В театральном институте прочитал доклад о пантомиме – меня слушала театральная элита, ректор, педагоги. А дома запирался и занимался пантомимой практически, поначалу пугая бабушку своими движениями. Потом показал товарищам. В Грузии в то время не имели абсолютно никакого представления о пантомиме. Помню, до глубокой ночи задерживался в институте. Однажды осмелился показать свои новеллы Темуру Чхеидзе, а затем – в театральном институте перед большой аудиторией. Все были в восторге, бурно выражали свои эмоции!.. Словом, меня поддержали. Я собрал группу студентов и начал с ними заниматься пантомимой (кстати, я по сей день преподаю в театральном институте, являюсь профессором). Напечатал статью об этом жанре сценического искусства. А по окончании института открыл студию

в Доме культуры.

В 1970 году мы перешли в Грузинскую филармонию, а в 1975 году наш коллектив обрел официальный статус – был создан первый государственный театр пантомимы Грузии. Тогда пантомимисты России пошли к министру культуры Екатерине Фурцевой и сказали о своем желании создать такой же театр. «Но у вас нет Шаликашвили!» - возразила она. Меня приглашали работать в Москву, предлагали большую зарплату и двухкомнатную квартиру в доме на улице Горького. Но меня не устраивал переезд: я хотел приезжать в Москву, а жить в Тбилиси. Однако Фурцева сказала: «Нет!» Не знаю, правильно ли поступил... Когда мне было здесь трудно, я уезжал на гастроли в Россию. И всегда привозил огромную прессу. А в Тбилиси... молчали. Здесь к пантомиме отношение намного равнодушнее, чем в России. Грузия – театральная страна? Преувеличенное мнение!

Мы объехали весь Советский Союз, пол-Европы, посетили 150 городов. Ежегодный наш маршрут: Москва – Ленинград – Рига – Таллинн – Вильнюс – Минск – Киев. Поменяли множество помещений, работали в летнем театре парка Муштайд, пока там не случился пожар. В результате мы остались без помещения, а я получил инфаркт...

« И САМ МАРСЕЛЬ МАРСО ЕЙ ЧТО-ТО ГОВОРИЛ...»

- Первая встреча с Марсо была совершенно случайная – это произошло в 1965 году, во время гастролей мима в Тбилиси. Однажды сидел в парке и разговаривал с товарищами о пантомиме, о Марселе Марсо. А он

в кафе напротив ел мороженое, а затем направился в летний театр. И тут ребята заметили: «Амиран, Марсель Марсо смотрит на тебя!» Я удивился – мы были с ним незнакомы (позднее выяснилось, что его внимание привлекли мои руки!)... Марсо посмеялся, махнул рукой и пошел, а через переводчицу передал, чтобы я зашел к нему после спектакля. Но меня к нему не пустили. Благо, тут появился сам Марсель Марсо, встретивший меня как старого друга. Мы пошли на сцену, он стал мне что-то показывать, я – тоже. Он удивился, повел меня в гримерную, открыл бутылку шампанского... и мы начали демонстрировать друг другу свои трюки. Марсель Марсо в течение недели был в Тбилиси, мы вместе гуляли по проспекту Руставели. Увы, ни одной фотографии не осталось! Потом великий мим прислал мне письмо и приглашение, чтобы я приехал во Францию учиться. Теперь это письмо хранится в нашем музее театра и кино... Помню, я послал Марсо «Витязя в тигровой шкуре».

В 1973 году мы выступали в Москве – одновременно в столице гастролировал Марсо. Мне хотелось пригласить великого мима к нам на спектакль, и я отправился в гостиницу «Пекин», где он остановился... Спускаясь по лестнице, он увидел меня в фойе и радостно воскликнул: «Мсье Шаликашвили!» Мы тепло обнялись. Он стал приглашать меня в ресторан, но я отказался и пригласил его на спектакли нашего театра. Вечером позвонила переводчица и сообщила, что Марсель Марсо собирается прийти к нам. Но, увы, наши спектакли совпадали со спектаклями Марсо, поэтому было решено сыграть для него спектакль вторично часов в 11-12 ночи. Договорились. Марсо пришел в 12, и мы играли до 2. Был восторг! Марсо написал, что наш театр скоро займет ведущее положение среди театров пантомимы Европы. А потом мы пошли в ресторан ВТО. Долго говорили... За этим последовала переписка, но больше мы не встречались. Обучение моего студента Нукри Джангавадзе в Париже в течение двух лет оплачивал именно Марсель Марсо. На экзамене, посмотрев работу моего ученика, он отметил: «Это не моя школа!» - «Я учился у Шаликашвили!» - сказал Нукри... Теперь он успешный человек, работает в Дисней-лэнде... Свой фильм «Арлекино» он посвятил Марселю Марсо и мне.

«ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ – ЧИСТЫЕ ЛЮДИ!»

- В репертуаре нашего театра 12 спектаклей. Играем по вторникам и пятницам.

Мы, по сути, развиваем традиции старинной античной трагической пантомимы... Большим успехом пользуется наш «Теренти Гранели» – спектакль о трагической судьбе грузинского поэта. Однажды к нам пришел американец, главный консультант ТВСбанка, и купил спектакль, пригласив сотрудников грузинского филиала этого учреждения. Был невероятный успех!..

При этом зарплаты в нашем театре очень низкие. Одно время у нас вдобавок хотели забрать помещение, в котором мы находимся уже 25 лет. Вроде бы отстояли... И еще: помещение необходимо отремонтировать, привести в божеский вид, увеличить число мест. Нужно

обновление техническое – музыкальной аппаратуры и осветительного оборудования, инвентаря. Даже с гримом у нас проблемы!

Тем не менее, мы не останавливаемся. Сейчас работаю над спектаклем «Святой Георгий». Режиссер всегда должен быть авантюристом в хорошем смысле этого слова – как Котэ Марджанишвили. Вместе с писателем Резо Мишвеладзе мы однажды подумали, что о такой личности, как Святой Георгий, ничего не было написано и поставлено. А у него ведь потрясающая биография. Он погиб за святое дело, святую идею. Уже был прогон спектакля... Премьеру хочется сыграть в нормальном помещении – придется арендовать зал за немалые деньги.

Я потерял замечательную театральную площадку – это Россия и Советский Союз. Вспоминаю, как в 1979 году поставил «Малую землю», вопреки препятствиям партийных перестраховщиков. Было 19 (!) просмотров, на которых присутствовали крупные представители номенклатуры. В итоге получился блестящий спектакль – мы сыграли его в киноконцертном зале «Россия»...

А. Шаликашвили

А в июле предстоят гастроли в России – пригласили в Москву. Будем выступать в Олимпийском комплексе. Пусть политики занимаются своими делами, а у нас – свои дела. Мы, деятели искусства, – чистые люди. Мы никогда друг друга не поносили – мы только аплодировали, любили и уважали друг друга. Культура – это же другой мир, мир фантазии! А политика, бизнес – действительно не мое дело. Моя судьба – пантомима.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ПИСЬМО, НЕ ДОСТАВЛЕННОЕ АДРЕСАТУ

Мой отец – Николо (Николай) Мицишвили – был не последним лицом в литературных кругах Грузии 20-30-х годов – в разное время издавал (редактировал) как грузинские, так и русские газеты и журналы («Картули мцэрлоба», «Фигаро», «Голос солдата», «Грядущий день», «Новый день», «Грузинская литература»), был членом литературного ордена «Голубые роги», входил в состав многих редколлегий, комиссий, руководящих писательских органов. Особенно плодотворной была его деятельность в издательствах («Сахелгами», «Заря Востока» и др.), предоставившая ему уникальную возможность установить тесные творческие связи со многими представителями литературных кругов чуть ли не всех союзных республик. Очень часто эти отношения, не укладывавшиеся в рамки официальных, переходили в более близкие, дружеские отношения. В силу ряда причин, в первую очередь, из-за желания подвести под деловые контакты более прочный фундамент человеческих отношений и, конечно же, благодаря традиционному грузинскому гостеприимству в нашей семье часты были обеды и ужины в честь приезжих гостей, свидетельства чего сохранила и моя детская память. О феномене дружбы грузинских и русских литераторов, в особенности поэтов, сказано достаточно много, но мне бы хотелось осветить этот вопрос несколькими малоизвестными фактами из истории нашей семьи. Ввиду того, что правда о большинстве событий 30-х годов тщательно скрывалась государством на протяжении десятилетий и, в довершение к этому, и время сделало свое «черное» дело, прикрыв их пеленой забвения, мне захотелось поделиться хотя бы тем, чему я был свидетелем, или же если можно так выразиться, семейной памятью.

Николай Мицишвили был арестован 2 июня 1937 года. Через несколько дней из Ленинграда было получено датированное столь роковым для нашей семьи числом письмо от Бенедикта Лившица, обозначенное мною как – «письмо, не доставленное адресату». Оно касается, в основном, издательских вопросов и, тем не менее, в достаточно полной мере отражает масштабность русско-грузинских литературных отношений. В письме, в частности, говорится:

«Дорогой Николо! Чем объяснить Ваше молчание? Правда, Вы действуете джентльменски (аккуратно уплатили деньги Митрохину (известный график

Портрет Нико Мицишвили. Неизвестный художник

– оформитель книг. Ему редакцией было поручено оформление обложки к книге стихов Б.Лившица «Картвельские оды» – И.М.), и это стоит слов, но мне, все же, хотелось бы знать, в каком положении моя книга. Отпечатана ли она? Есть ли уже сигнальный экземпляр? Когда она выйдет?

... Меня чрезвычайно интересует и другой вопрос: как обстоит дело с моей книгой переводов из грузинских поэтов (договор от 26.10.1935 г.)? У меня уже готово свыше 1.500 строк, и осенью я мог бы сдать изд-ву всю книгу (2.000 строк).

... Наконец я хотел бы урегулировать свои денежные расчеты с изд-вом по моим «Картвельским одам», т. к. нахожу, что уже настала пора и мне получить причитающийся по договору гонорар».

Бенедикт Лившиц в литературе прошел своеобразный путь – был близок с футуристами, символистами, акмеистами и др. Однако ему особую славу принесла переводческая деятельность – его называли «непревзойденным переводчиком французской поэзии».

Особую роль сыграли в его жизни Грузия и грузин-

ские поэты. Как отмечала жена поэта, «это был неистовый и безоглядно увлекающийся человек. Он и в Грузию без памяти влюбился, как в женщину, и посвящал ей любовные стихи.

Для иллюстрации приведу пример: «Я еще не хочу приближаться к тебе, Тбилиси,/ Только имя твое я хочу повторять вдалеке,/ Как влюбленный чудак, рукоплещущий бурно актрисе,/ Избегает кулис и храбрится лишь в темном райке».

Трудно отказать себе в удовольствии и не указать на один из шедевров его лиризма, также навеянного впечатлениями от Грузии: «Пой, мореплаватель, пой/ Скитальцу про его обиду –/ Уже я вижу пред собой/ Золоторунную Колхиду./ Пока еще живу, пока/ Во всем ищу я образ плоти,/ Приветствую издалека/ Плывущий мне навстречу Поты./ Неси ж другому перстень свой:/ Дар Персефоны, дар опасный,/ А мне оставь мой мир живой,/ Нестройный, тленный и прекрасный».

Не стоит удивляться, что человеку со столь изысканной душевностью прекрасным казалось все вокруг и что он просил сохранить за ним право наслаждаться этой красотой. Увы, рядом со столь возвышенной эмоциональностью, к несчастью, не так уж и редко, встречается и трагическая действительность – не вняли мольбе поэта и вскоре и Бено (так его именovali грузинские друзья) Лившиц стал жертвой кровавого Молоха – в расстрельном списке, представленном 12 сентября 1937 года Политбюро ВКП (б) «на утверждение», его фамилия стоит под 62-м номером. Рядом с визой Сталина – «за» подписи его соратников, в их числе и Жданова, которому по долгу службы полагалось курировать сферу культуры и проявлять особую заботу в отношении «инженеров души». И проявил – из 383 упомянутых расстрельных списков, по которым была решена судьба около 45 тысяч человек, подпись Жданова стоит на 176! Среди обреченных на смерть по упомянутым спискам много грузин – его виза стоит третьей (после Сталина и Молотова) на списках, по которым была решена судьба таких представителей грузинской культуры и литературы, как Эрик Бедия, Александр Дудучава, Вахтанг Котетишвили, Евгений Микеладзе, Тициан Табидзе, Григорий Церетели и других. Есть однако два списка из Грузии – на 300 и 317 человек, которые 3 января (sic!) 1938 года Жданов подписывает первым – после новогодних празднеств «великому вождю всех народов» с похмелья, очевидно, было не до списков и в этом «почетном» деле, на страже законности его заменили верноподанные приспешники. Приведенные сведения – одно из доказательств несостоятельности бытующего в свое время в России (чему я был свидетелем во время учебы и работы там) мнения о том, что грузинское происхождение Сталина и Берии по-

лужило грузинам индальгенцией от свирепствующих в 30-х годах везде в СССР политических репрессий. Правда, как часто бывает, состоит в обратном – есть веские доказательства того, что в Грузии эти репрессии были проведены с особой жестокостью!

Вот еще другие отголоски прошлого.

«Устроили нас высоко в горах, в Коджорах, там всегда было прохладно. Полгода, проведенные в Грузии, превратились в сплошной праздник. Борис Леонидович и я впервые увидели Кавказ, и его природа нас потрясла. Кроме того, нас окружали замечательные люди – большие поэты Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Николо Мицишвили, Георгий Леонидзе. Нас без конца возили на машинах по Военно-Грузинской дороге, показывая каждый уголок Грузии, и во время поездок читали стихи». 1931 г. (Из письма З. Н. Пастернак).

«...Я должен был ехать завтра и уже купил себе билет, как вдруг все это переделали. Пришел Мицишвили и убедил меня, что если бы я остался еще неделю, то не уезжал бы с таким пустым карманом, как сейчас. Я не буду входить в подробности, потому, что все это расскажу тебе это дома, но доводы его были настолько вески, что я позволил ему взять билет у меня из кармана и переложить в свой собственный.

Стоят - Т.Табидзе, А.Белый, П.Яшвили, Г.Робакидзе, С.Шаншиашвили.
Сидят - К.Надирадзе, супруга А.Белого, супруга П.Яшвили, Н.Табидзе,
Н.Мицишвили, 20-е гг.

Итак, я тут еще останусь до 29-го, если верить Мицишвили, то это будет с какой-то для меня материальной пользой. Но я ведь мысленно уже был с тобой или, по крайней мере, к тебе ехал, и вот можешь себе представить, как мне теперь грустно и больно. Написано в Тифлисе. 25.XI.33». (Из письма Бориса Пастернака З.Н. Пастернак). (Предоставлено С. И. Чернявской)

«Госиздат интересуется деятельностью Б. Пастернака и Н. Тихонова. Попросите Тихонова, чтобы он сообщил нам о своих успехах. Б. Пастернак пусть просуммирует свои строки с Важа Пшавела и без него».

Это – цитата из письма Николо Мицишвили Виктору Гольцеву. Основная тема письма – положение дел по подготовке третьего сборника «Поэты Грузии», готовящегося под редакцией В. Гольцева. Н. Мицишвили в то время заведовал отделом художественной литературы Госиздата Грузии, и письмо в целом носит деловой характер, но, тем не менее, весьма доброжелательное отношение автора письма к Пастернаку и Тихонову ясно видно даже из приведенных строк, а его заинтересованность в сотрудничестве именно с ними, как говорится, «лежит на поверхности». В этой связи мне и хочется рассказать об отношениях этих двух выдающихся представителей русской поэзии к нашей семье. О Борисе Леонидовиче моя сестра Марина Мицишвили оставила сделанные в свое время записи, и лучше, наверное, сослаться на них:

«Всем известно, что ранней весной 1959 года Борис Пастернак был вынужден оставить Москву. Он решил найти временное убежище в Тбилиси, где его принимала семья Тициана Табидзе. Об его приезде решено было не распространяться.

Однажды на проспекте Руставели, возле Оперы, на той стороне, где обычно народу мало, я встретила с дочерью Тициана, Нитой Табидзе. Ее сопровождал мужчина старше средних лет. Нита обратилась к нему – не напоминаю ли я ему кого-нибудь

он? Борис Леонидович наотрез отказался, пояснив, что его, наверное, с кем-то спутали.

Мама на второй же день отправилась к тете Нине и провела Пастернака, с которым не виделась с конца 30-х годов, с того времени как с клеймом «ЧСИР» («член семьи изменника родины» – И. М.) восемь лет отбыла срок в сталинских концентрационных лагерях. В конце визита мама пригласила Пастернака на обед. Он ответил категорическим отказом, мотивируя его тем, что не хочет послужить причиной новых для нее неприятностей, их в ее жизни было, мол, и так предостаточно. Мать успокоила его, сказав, что ей больше нечего бояться, что хуже пережить того вряд ли может что-либо с ней случиться.

В 1937 году, после ареста отца нас выселили из занимаемой нами квартиры (конечно, не удовлетворились этим и конфисковали мебель, книги и даже личные вещи отца) и вселили в одну комнатку на улице Плеханова, которую до этого отняли у семьи, разделившей участь, подобную нашей. Вот там-то и пришлось принимать нам Бориса Леонидовича 27 февраля 1959 года. Вместе с ним пришли Нина Табидзе и известная переводчица Фатъма Твалтвадзе. Позднее к нам присоединился вернувшийся с работы мой брат Иламаз Мицишвили.

Условия нашей жизни – теснота, неблагоустроенность и др. – очень взволновали Пастернака (раньше он не раз бывал у нас на прежней квартире), однако традиционное грузинское гостеприимство и непосредственность обстановки изменили его настроение и он постепенно перевел беседу на очень интересные темы – о поэзии вообще, о стихотворениях раннего периода его творчества, даже об археологии (моя сестра всю жизнь посвятила археологии – И. М.). Борис Леонидович много расспрашивал маму о ее судьбе и, не поскупившись на комплименты, в конце сказал: «Вы перенесли столько трудностей, Вы – настоящая героиня и как я мог, зная все это, не написать «Доктора Живаго». Книгу я оставляю Нине и очень хотелось бы, чтобы Вы ее прочитали».

М.Горький с грузинскими писателями, 30-е гг.

и добавила, что я дочь Николо Мицишвили. Реакция Пастернака была мгновенной – как-же, как-же, она, мол, очень напоминает отца жестикуляцией. После недолгой беседы мы расстались.

Дома я рассказала маме о том, что приехал Пастернак, что он остановился у тети Нины (Нина Макашвили – супруга Тициана Табидзе – И. М.) и объяснила, в каком он находится положении. Я рассказала, что однажды, когда он в одиночестве прогуливался по улицам Тбилиси, нашелся, естественно, человек, который сразу узнал его и спросил – не Пастернак ли

В разговоре он упомянул, что интересуется античной эпохой и я предложила ему посетить наш музей, в котором было очень много материала, могущего вызвать его интерес.

Позже заехали Нита Табидзе и ее супруг – Алексей Николаевич Андриадзе – и отвезли наших гостей домой.

Случилось чудо! После этого визита Бориса Леонидовича к нам, будто все только и ждали первого шага – его стали приглашать почти каждый день! И наш музей он посетил – по нему его сопровождал

и давал пояснения Александр (Лали) Джавахишвили (сын выдающегося грузинского ученого и основателя Тбилисского университета Иванэ Джавахишвили – И. М.). И музеем, и личностью Лали Пастернак был безмерно восхищен.

Уезжал он из Тбилиси, как всем нам показалось, довольным оказанным ему приемом и счастливым.

Вскоре мы от него получили бесценный подарок – книги его переводов – «Фауст» Гете и «Мария Стюарт» Шиллера – и письма:

2 апреля, 1959

Дорогая Марина Николаевна!

С Георгием Георг. Маргвелашвили послал коекому несколько книг, в том числе и Вам. Того, что я сам писал в последние 25 лет, не издавали. Поэтому я не мог послать никому ничего своего, и ограничился только переводами. Но «Фауст» — серьезная работа. И то, что у него (т. е. у Гете) наворочено во II части трагедии, будет Вам, как археологу, интересно. Прочтите всю трагедию целиком, но не сразу, небольшими частями. Там, конечно, много мертвого, условного (напр. всякого рода маскарады и увеселения при имп. дворе, дурацкая символика), но и немало гениального, свежего и всеильного, как сама природа.

Когда у Вас будет время, напишите по адресу: Переделкино Московской области, мне. Несколько справок: как отчество Александра Джавахишвили, Иванович (?); как зовут Вашу сотрудницу, милую, живую, одухотворенную, с такими красивыми черными глазами, такую знающую (она немного знает по-гречески), кажется ее фамилия Канделаки, но, наверное, я ошибаюсь. Как зовут сестру Гуги Арчиловны, дочери Раисы Конст. Микадзе, которая тоже обходила с нами залы музея? Всем им самый сердечный привет. Знакомство с ними было для меня большой радостью.

Кланяйтесь, пожалуйста, Вашему брату и поцелуйте маму, Тамару Константиновну (?), если я не путаю ее отчества.

Всего Вам лучшего

Ваш Б. Пастернак

8 дек. 1959

Дорогая Марина Николаевна!

Благодарю Вас за драгоценную книгу (в беседе с нами Борис Леонидович высказал заинтересованность памятниками античной эпохи и позже сестра выслала ему в подарок книгу «Мцхета» с уникальным материалом раскопок в Армази - И.М.), которую я не заслужил и на которую не знаю, чем Вам ответить. Отчасти я сам виноват, что сам напросился на этот подарок. Вы не единственная, кого этой весной я ввел в заблуждение. Неосторожно вырвавшиеся у меня тогда слова о моих планах привели к тому, что мне и из-за границы стали посылать книги об античности и первых веках христианства. А тем временем я занялся совсем другой темой, в которую и ушел с головой. Я очень занят, не всегда себя хорошо чувс-

Н.Мицишвили, 20-е гг.

вую, и шлю сердечные приветы Вам, Вашей маме, брату и товарищам по работе. Еще раз спасибо.

Ваш Б. Пастернак».

Думаю, что оказанным нашей семьей приемом он остался доволен, о чем свидетельствует дарственная надпись, сделанная на чудом уцелевшей у нас от погрома 1937 года его книге «Охранная грамота»: «Иламазу Мицишвили. На счастье и на память о чудесных часах, проведенных в гостях у его мамы».

Что касается высланных им из Москвы книг, на них сделаны такие надписи:

«Мария Стюарт» – «Марине Мицишвили на добрую память. Вы и Ваша семья – исключительные люди и заслуживаете редкого, завидного счастья.

Б. Пастернак 31 марта

1959

Переделкино.

«Фауст» – «Марине Николаевне Мицишвили с благодарными воспоминаниями о ней самой и о ее чудесной маме, о ее брате, о музее, по которому мы так увлеченно, поглощенные виденным, ходили.

С пожеланиями счастья и осуществления всех ее замыслов и желаний

Б. Пастернак 31 марта
1959 Переделкино.

Вот какие мысли навеял своеобразный «юбилей» злополучного 1937 года...

Иламаз МИЦИШВИЛИ

ВПЕЧАТЛЯЮЩАЯ ОДУХОТВОРЕННОСТЬ

Владимир Горовиц, один из великих пианистов XX века, получил мировую известность как американский музыкант. Но родился он на Украине (1904 г.) и получил образование в Киевской консерватории, которую окончил в 1921 году. После этого он начал концертровать и имел огромный успех в ряде городов Советского Союза. В 1925 году он уехал за границу, играл в Берлине и Париже, а в 1928 г. переехал в США.

Непосредственно до своего отъезда в Европу, в 1924 году, Горовиц побывал в Грузии. Концерты проходили в зале консерватории и привлекли к себе большое внимание. В газетах того времени говорится о переполненном слушателями зале и бурных овациях. Рецензии, помещенные в газетах «Коммунисты» и «Заря Востока», подписаны разными авторами: П. Бебутов (Бебуташвили), Мусикоси (И. Курхули), Ал. П. (Ал. Петроковский), Анте (В. Ананов). Есть еще рецен-

зии, подписанные инициалами Л.К. Судя по содержанию и сделанным наблюдениям их автором является человек со специальным музыкальным образованием.

Горовиц приехал в Тифлис в феврале 1924 года. Уже в объявлениях о предстоящих гастролях газеты писали о Горовице как об известном пианисте. «Тифлис впервые знакомится с выдающимся пианистом, выступления которого в прошлом году в Москве и Петрограде составили одно из крупнейших событий музыкальной жизни» («Заря Востока», 10 февраля 1924 г.). Об этом же говорится в газете «Коммунисты», где помещены отзывы о нем московской и петроградской прессы («Коммунисты», 9 февраля 1924 г.).

Первый концерт Горовица состоялся 10 февраля. Судя по материалам прессы, рецензенты и публика были весьма самостоятельные в своих оценках. Несмотря на хвалебные отзывы газет, на первом концерте пианиста встретили довольно сдержанно, но первое же исполнение им Баха вызвало бурные аплодисменты и покорило слушателей. Все концерты отражены в специальных рецензиях. В них дается много интересных наблюдений и оценок. В восторженных по общему тону статьях можно встретить и отдельные критические замечания. Одному из рецензентов не понравились переработки произведений, сделанные самим концертантом: «...при совершенном техническом исполнении классиков пианист проявил ряд резких отклонений от общепринятого их толкования» («Заря Востока», 13 февраля 1924 г.).

Надо думать, что эти наблюдения рецензента не были лишены основания. Показательно, что в статье о Горовице в «Музыкальной энциклопедии» говорится о своеобразии трактовки, вызывающем иногда упреки в «исполнительском произволе».

Но отдельные замечания тонут в потоке восторженных похвал. Рецензенты отмечают особенности исполнительской манеры пианиста. Всех поразила его феноменальная техника. В то же время «его исполнение характеризует не только техническое совершенство, а главным образом художественность передачи, красота звука, глубина и темперамент» («Коммунисты», 13 февраля 1924 г.). Такие же восторженные оценки помещены и в «Заре Востока» (13 февраля 1924 г.): «Владимир Горовиц – сила и мощь, воплощение сплошного порыва и стихийного движения вперед. Дерзновение и взлет, ... колоритные и сочные звучности – бури звука, и параллельно – нежное журчание пианиссимо».

Рецензенты обратили внимание на разнообразную программу молодого пианиста, включающую произведения от Баха и до современных ему авторов. Исполнение сочинений Метнера и Рахманинова получило очень высокую оценку; исполнение Метнера показало, «что юноша Горовиц может играть как зрелый муж, что для большого таланта вопрос возраста – праздный вопрос» («Заря Востока», 19 февраля 1924 г.).

Но особенно много сказано в рецензиях об ис-

полнении произведений Листа. «Это было какое-то «возрождение Листа». Воскрес великий музыкант и устами Горовица раскрыл нам поэму своей души... Так чувствовать его стиль, так передавать его контрасты – дано только немногим избранным» («Заря Востока»).

В таких суждениях проявилась чуткость наших музыкальных критиков. Как указано в статье Г. Когана («Советская музыка», №1, 1965 г.), сравнение с Листом стало почти традиционным для всех писавших о Горовице. Потрясающее впечатление производили на слушателей его феноменальная техника в сочетании с огненным темпераментом и демоническим динамизмом.

Эти черты прославившегося впоследствии зрелого музыканта отмечают рецензенты наших газет уже в юном исполнителе. Подчеркивается сила воздействия его игры на слушателей: «Во время исполнения Горовиц творит и сам вдохновляется этим творческим процессом» («Комунисти», 13 февраля 1924 г.). «Были моменты, редкие на концертах, моменты настоящего глубокого очарования слушателей, полного их захвата, как бы гипноза всего зала, – когда поэт, художник в Горовице прорывался сквозь блеск его феноменальной техники, сквозь полные скрытой и страстной силы нервные вспышки его темперамента» («Заря Востока», 19 февраля 1924 г.).

Концерты Горовица произвели глубокое впечатление на публику, и его имя осталось в памяти людей, имевших счастье присутствовать на них. Об этом говорили мне профессора нашей консерватории – пианистка Ванда Шиукашвили и скрипач Лео Шиукашвили. Помимо впечатлений от игры Горовица, они рассказали, что его приезд совпал с кончиной знаменитого певца Вано Сараджишвили. По собственному желанию Горовиц пришел на панихиду и исполнил «Похороны» Листа и траурный марш Шопена. Все собравшиеся были тронуты самым фактом появления Горовица и потрясены его великолепным исполнением.

Вспомнив эти давно полученные сведения, я проверила даты жизни Сараджишвили и выяснила, что он был похоронен 16 ноября 1924 г. Горовиц же гастролировал в Тифлисе в начале этого года, а затем уехал в Баку. Приезжал ли он второй раз? Материалы газет дают об этом точные сведения. Горовиц действительно был в Тифлисе в ноябре 1924-го. Очевидно наш город понравился молодому пианисту, если в том же году он вторично сюда приехал. Как видно, он сблизился здесь с музыкальной общественностью, что подтверждается его участием в панихиде по Ване Сараджишвили. Свой портрет с надписью он преподнес известному журналисту Александру Самойловичу Петроковскому. Сохранилась и другая фотография, подаренная видному музыкальному критику В.С. Ананову. На ней надпись, впечатляющая по содержанию: «Дорогому Владимиру Степановичу Ананову дарю сие изображение на добрую память и хочу верить, что копия явится для Вас постольку ценной и многогранной, поскольку Вы, сумевший открыть мне тайники ис-

тинной прелести и подлинной красоты и давший понять мне ощущение познания мира настоящих, возвышенных, эстетических эмоций – Вы оставляете неизгладимый отпечаток и память о себе, думаю, на всю мою жизнь. Вл. Горовиц. Тифлис. 29 февраля 1924 г.»

Второй приезд Горовица в Тифлис был еще более триумфальным, чем первый. Как указано в газетах, ввиду малого размера зала консерватории, концерты были перенесены в более просторное помещение драматического театра, но и там зал оказался переполненным. Помимо объявленных сначала четырех

В.Горовиц. Фото с автографом А.Петроковскому

концертов, Горовиц выступил еще три раза. Рецензии отражают общий восторг. Игра Горовица – это «пылкая эмоциональность, ...впечатляющая одухотворенность, ... ослепительный виртуозный блеск» («Заря Востока», 28 ноября 1924 г.); и нет сомнения в том, что «Вл. Горовиц принадлежит к числу наиболее выдающихся пианистов современной эпохи». («Комунисти», 27 ноября 1924 г.).

Будущая судьба Горовица подтвердила, что тифлисская музыкальная общественность сумела правильно оценить талант тогда еще совсем молодого 20-летнего пианиста.

Наталья ОРЛОВСКАЯ

ВАХУШТИ В НАСЛЕДСТВО

В.Котетишвили и Д.Голованов

Посвящается доброму человеку из Грузии

Когда переезжаешь в другую квартиру, в хаосе переезда неизбежно что-то теряется, а то и пропадает совсем. Нарушается сам порядок вещей, и речь, конечно, не только о вещах материальных. В новом жилище надо все восстанавливать, раскладывать по новым местам, как бы начинать жить сначала. И это при простом обмене квартиры. А если переехать жить в другую страну? С собой точно все не увезешь, многое надо оставить, выбросить и желательно постараться забыть. Понятно, что чем быстрее забудешь, тем тебе же будет проще и лучше. Но вместо этого начинаешь цепляться за старое, и даже отчасти искусственно, насильственно заставляя себя думать, что ничто не утрачено, все сохранилось, никакие связи не прервались.

У нас в семье по мужской линии передается любовь к Вахушти Котетишвили. Сначала о своей любви к нему написал мой отец Ярослав Голованов в своей книжке «Заметки вашего современника», потом мой брат Василий Голованов, ну а теперь пришла и моя очередь. И неважно, что мне меньше всех досталось опыта дружбы с Вахушти, у меня воспоминания из ряда мифом, которые возникают из домашних легенд и детской памяти. Итак, была легенда об отцовском кровном брате – прекрасном грузинском Вахушти. Мало того, что восторг вызывало «кровное» родство, само имя звучало

необыкновенно! У меня был близкий друг грузин, Георгий, его отца звали Рамаз, а брата – Реваз. Я знал, как звучат грузинские имена. Но чтобы «Вахушти»? Нет, такого я никогда раньше не слышал. Существовал ли он на самом деле, было не очень важно...

В нашем доме в Москве всегда было много гостей и друзей. Писатели, журналисты, товарищи моего отца по его работе в газете «Комсомольская правда», инженеры, космонавты. Даже астронавты из компании НАСА приходили. И вот однажды, ранней весной 1979 года, когда снег еще не стаял, а лежал грязными комьями, в нашей квартире появился новый гость. Он вошел в дом, стряхнув с ботинок снег, перемешанный песком с солью, которым посыпали московские улицы и подземные переходы, снял шапку и торжественно протянул руку и представился мне: «Вахушти Котетишвили». Мне было пять лет, и со мной так раньше никто не здоровался. Я был сражен.

Чехова когда-то восхитила точность детского описания моря: «Море было большое». Так вот Вахушти был большой, лучше не скажешь. Говорил он необыкновенным густым и могучим голосом. Мне было дозволено выпить с гостем чаю, а потом я пошел спать и, засыпая, слышал доносившиеся из столовой два голоса: высоковатый – отца, и низкий с легкой хрипотцой баритон Вахушти.

В июне 1972 года отец отдыхал вместе с моей мамой в Грузии, там они познакомились с Вахушти. Высо-

ко в горах, в Хевсуретии они и побратались по древнему хевсурскому обычаю: им обоим легонько полоснули кинжалом между большим и указательным пальцами правой руки, а потом они соединили на мгновение руки и свои капельки крови, и стали кровными братьями.

Отец рассказал мне реальную и трагическую историю семьи Вахушти уже в 1986 году, когда он обосновался в подмосковном писательском городке Перedelкино. Оказалось, что Вахушти был сыном знаменитого грузинского ученого, популяризатора народной фольклористики, преподавателя скульптуры и живописи, поэта Вахтанга Котетишвили (1893-1937 гг.). Например, он первый начал читать в университете курс поэтики. Он первый начал в том же университете читать курс фольклора, в Академии художеств – историю скульптуры.

Как многие люди в тридцатые годы исчезали и очень редко возвращались, так и Вахтанг Котетишвили погиб в застенках сталинского НКВД.

Вахушти продолжил дело своего отца и стал поэтом, переводчиком, он блестяще знает древнегрузинские мифы и фольклор, он переводил на грузинский язык Райнера Рильке, Александра Островского, Фридриха Дюрренматта, Омара Хайяма, Хафиза, Обейда Закани. И вообще он все на свете – доктор филологических наук, профессор, академик Академии педагогических наук, председатель центра защиты и восстановления грузинского народного искусства, научный руководитель Центра комплексного изучения фольклора, автор 80 научных трудов, в том числе двух монографий, 10 книг поэтических переводов на грузинский – с персидского, немецкого, испанского, русского языков.

В 1990 году я с мамой улетел в Израиль, а спустя несколько лет на Кавказе началась война. О Вахушти напоминал только рог для вина, подаренный им отцу. Он висел на стене отцовской дачи рядом со сванской шапкой. В нашей переписке отец о Вахушти не упоминал, больше писал о быте, ремонте автомашины, ведении хозяйства, о работе над книгой о Королеве.

Однако неисповедимы пути Господни. В 2006 году мой старший брат Василий и разыскал Вахушти. Он написал о нем замечательное эссе «Волшебный рог Вахушти».

В прошлом году моя мама вместе со своим мужем была в Грузии на Международном русско-грузинском поэтическом фестивале и привезла оттуда две книги Вахушти – книгу стихов на грузинском языке и книгу его воспоминаний «Мой век минутный». Я гляжу на фотографию сегодняшнего Вахушти – с бородой, которая обрамляет лицо, как большое облако, добрыми и умными глазами внешне он похож на волхва, «мудрого звездоблюстителя», чем-то немного на Сергея Параджанова, я смотрю и думаю о том, что ему пришлось пережить Параджанова, я смотрю и думаю о том, что ему пришлось пережить – гибель отца, бомбежку и полное разрушение отцовского и его собственного дома, жестокую болезнь и многое другое.

Я вспоминаю, как бережно и свято хранил отец в домашнем архиве фотографии своих предков, макет

дома Головановых в Весьегонске, театральные афиши, дневники, и понимаю, что не один только древний хевсурский обряд братания сблизил отца и Вахушти, родственными были их понятия о жизни, внутренний мир, традиции.

В Тбилиси, в доме Вахушти Котетишвили я познакомился с его сыном Гугой и его приятелем Кахи. После раннего перелета я был немного разморенным и усталым, и мог лечь спать, но спать не хотелось. Мы вышли из дома и пошли пешком на гору Мтацминда. На Святую гору. Ноги гудели, вверх шла крутая горная тропа, но мой внутренний голос или мой душевный индеец меня все время подбадривал: «Ты справишься, ты дойдешь, ты сможешь». После крутого поворота я остановился, вынул фотоаппарат и сфотографировал город сверху.

Каха очень интересуется Израилем. Я купил ему в тбилисской синагоге маленькую кипу, но у него слишком длинные волосы. По вечерам, когда вечерние сумерки медленно спускаются с вершины Мтацминды, мы сидим на кухне, освещенной квадратным абажуром и я рассказываю ему про Тель-Авив, про тамошних людей, про неповторимый небесный Иерусалим, иногда я учу его ивриту, а он меня грузинскому языку, языку, на котором говорил Илья Чавчавадзе, Важа Пшавела, Вахтанг Котетишвили, царь Вахтанг и царь Давид. Это классно, мир изменился, границы стали зыбкими, люди ездят много и часто, и иногда мне кажется, что у меня на Земле есть три места, где мне приятно бывать, когда не нужно заниматься будничными и повседневными делами. Это метро «Аэропорт» в Москве, дом Вахушти и его сына Гуги в Тбилиси, Иерусалим и наверное еще маленький город Ор-Иегуда в Израиле, там живет моя мама.

Кахи подарил мне сванскую шапку. Теперь я выгляжу как заправский парень из Сванетии. Женщины на улице мне улыбаются. Мне кажется, что если бы я мог подольше побыть в Грузии, то я бы обязательно влюбился именно в Тбилиси. Тут восхитительно красивые женщины, красивые по-своему. Вчера днем я видел на проспекте Руставели сногшибательную девушку – точенный греческий профиль, голубые глаза, белые волосы. На парапете памятника поэту сидела молодежь, смеющаяся, радостная, которой совершенно безразличны глобализм, мировая политика, дипломатия. Глядя на них, я вспомнил, как в далеком московском детстве я с моими лучшими друзьями Федей Шумским и Гией Рамазашвили любили отдыхать вот так же около памятника Пушкину.

Вечером, когда я шел в интернет-кафе, то около парламента был митинг оппозиции. Народ молча стоял и внимательно слушал. И я подумал – как хорошо этим молодым ребятам, сидящим на парапете памятника Шота Руставели, смеющимся и пьющим сок. Им хорошо, они умеют любить и радоваться жизни, а политики этому разучились.

А любовь сильнее политики и курса доллара.

Дмитрий ГОЛОВАНОВ

сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету! Ахнула и кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, — братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Тут она догадалась, что они унесли ее братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава — что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела — стоит печь.

«Март сухой да мокрый, май — будет каша и каравай». У древних славян май назывался травень, иногда мур (мурава - трава). Второго мая праздновали даже соловьиный день. И трава поднялась, и цветочки распустились, и птицы прилетели.

Детворе праздник, хорошо на солнышке греться, на травушке-муравушке сидеть.

Но беда, если кто заиграется и забудется. Послушай-ка сказку.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Ж или мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

- Доченька, — говорила мать, — мы пойдем на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко,

- Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели? Печка ей отвечает:

- Съешь моего ржаного пирожка — скажу.
- Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

- Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

- Поешь моего лесного яблочка — скажу.
- У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течет молочная река, в кисельных берегах.

- Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

- Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

- У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой. Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба-яга прядет кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

- Здравствуй, бабушка!

- Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

- Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

- Садись покуда кудель прясть.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядет — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

- Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

- Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

- Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А баба-яга подойдет к окошку и спрашивает:

- Девица, прядешь ли?

Мышка ей отвечает:

- Пряду, бабушка...

Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

- Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

- Речка, матушка, спрячь меня!

- Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо.

Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди

воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

- Яблоня, матушка, спрячь меня!

- Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня ее заслонила ветвями, прикрыла листьями.

Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо.

Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели ее, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

- Печка, матушка, спрячь меня!

- Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее — пирожок в рот, а сама с братцем — в печь, села в устье (Устье (устье) — наружное отверстие в русской печи).

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

Засмотрелась девочка на весеннее солнышко, забыла наказ родителей, и вот сколько неприятностей навлекла. Сказка учит не только послушанию. Она учит делать добро, тогда и оно возвратится к тебе.

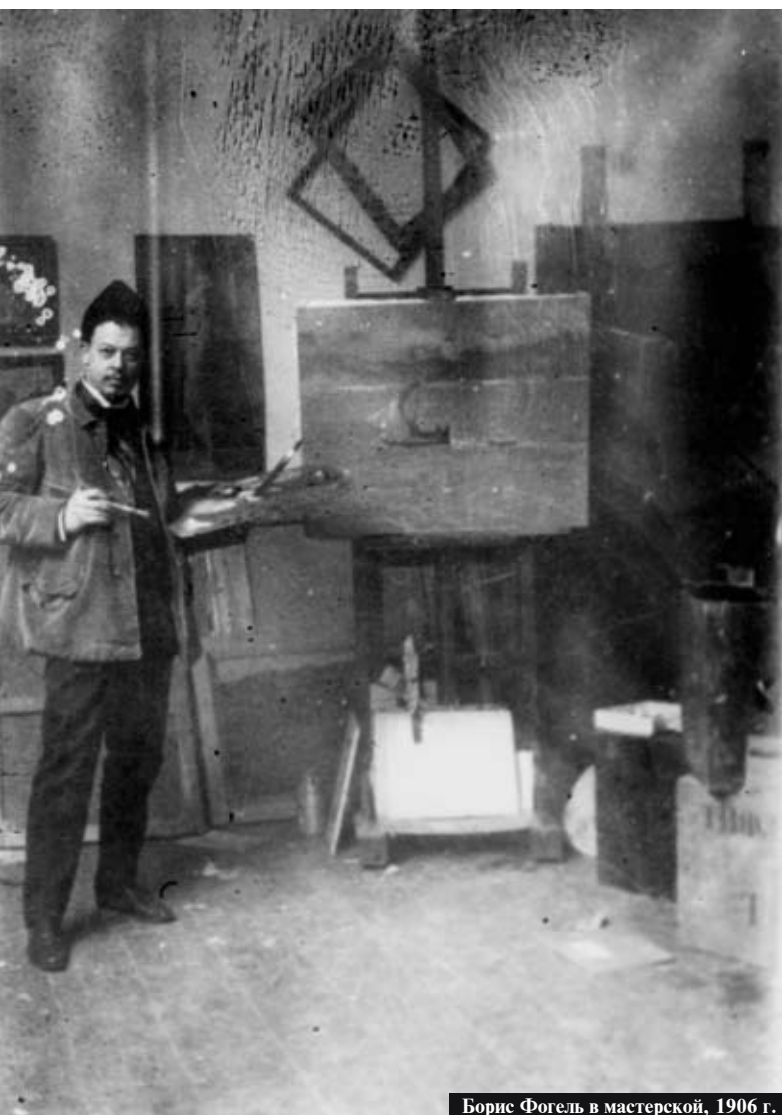
Не покормила бы мышку кашкой, та и не помогла бы ей. Не поела бы простого киселька молочной реки, не съела бы лесного яблочка да пирожка, не помогли бы ей речка, яблоня и печка.

Не спасла бы себя и братца. Поистине, «как аукнется, так и откликнется».

БАБУШКА ДАРЬЮШКА

ВСЕ, ЧТО ПОМНЮ

Борис Фогель в мастерской, 1906 г.

В художественной жизни Тбилиси первой трети двадцатого столетия активное участие принимал художник Борис Александрович Фогель. Он родился в 1872 году в г. Темир-Хан-Шуре (ныне г. Буйнакск) в семье военного. В 1880 году, после смерти отца, семья переехала в Тифлис, где будущий художник закончил гимназию. Уже в школьные годы он проявил особый интерес к

рисованию, который поощрялся гимназическим учителем А.В.Захаровым. Окончив гимназию в 1891 году, Б.А.Фогель поступил на юридический факультет Московского университета. Но страсть к живописи не покидала его: он получил возможность копировать произведения известных художников в залах Румянцевского музея, пользовался советами художников В.Е.Маковского, В.Д.Поленова, С.А.Коровина, одно время посещал студию Л.О.Пастернака.

Закончив университет, он с 1896 по 1898 год обучился в Академии Жюльена в Париже. Академия Жюльена была обычной художественной мастерской, где ученикам предоставляли модели и не слишком строго следили за их работой. Руководили мастерской Жан Поль Лоран и Бенжамен Констан. Там Фогель познакомился с П.П. Кончаловским.

Чтобы стать профессиональным художником, необходимо было получить документ о специальном образовании. Поэтому, вернувшись из Парижа, друзья поступили в Петербургскую Академию художеств.

В 1902 году, окончив Академию, Фогель «был удостоен звания художника с правом преподавания рисования в учебных заведениях». Он возвращается в Тифлис, где начинает преподавать в городских гимназиях и активно участвует в художественной жизни города.

Борис Александрович Фогель оставил интересные воспоминания, названные им «Все, что помню». В них, помимо сведений биографического характера, он рассказывает об основании в Тбилиси Академии художеств и тбилисских художниках того времени.

Некоторые фрагменты из этих воспоминаний, написанных в 1958 году, публикуются впервые на страницах вашего журнала.

/.../ Когда я поступил в гимназию в приготовительный класс, я стал заниматься рисованием. Писал я акварелью под руководством А.В.Захарова, выученика Московского Строгановского училища. Рисование было для меня ни с чем не сравнимым удовольствием. Затем я познакомился с одним учеником Кадетского корпуса Федором Рербергом, который писал масля-

Группа художников в Кавказском обществе поощрения изящных искусств

ными красками. /.../ Я наслаждался густыми мазками и стал постепенно, в тайне от всех покупать масляные краски. Мать мне давала пятак на покупку завтрака в гимназии. Через полгода у меня был полный набор красок и две-три кисточки. Я купил книгу-самоучитель по живописи. Эта книга мне пригодилась в смысле набора красок, кистей, советами как грунтовать кар-

– 1896 и 1897 годов в Академии Жюльена. Занятия проходили так: с понедельника, с восьми утра стояла обнаженная модель, мужская или женская, но чаще женская. Модель стояла до пяти часов: один час полагался на еду. Модель стояла одну неделю. Профессора чередовались по неделям. /.../ Требовали пропорций, характера, движения и точных светотеневых

Б.Фогель. Батуми. Набережная, 1900-е гг.

Б.Фогель. Закат. 1908 г.

тон, чем разбавлять краски.

/.../ Когда я поступил в Московский университет на юридический факультет, я познакомился в Обществе любителей художеств с Л.О.Пастернаком и В.К.Штембергом. Нас, учеников, у них (в студии – Н.Э.) было пятеро: я, А. Зальцман, Татьяна – дочь Л.Н. Толстого, князь С.Щербатов и Бартенева, дочь известного пушкиниста.

Пастернак – ученик Мюнхенской школы – большой мастер рисовать углем. Он и Штемберг учили нас рисовать головы углем. /.../ Наши учителя выучили нас технике угля, и мне потом, в Париже уже не трудно было им пользоваться. /.../ В Париже я был две зимы

Борис Фогель

отношений (валеров). Рисунок любили очень светлый. О цвете почти не говорили, но, если пишущий очень тонко воспринимал цветовые отношения, то хвалили и восхищались.

/.../ Каждое воскресенье писали эскизы на заданную тему. Темы для эскизов были из Евангелия, Библии, Гомера, «Метаморфоз» Овидия, Данте. Требовалась не тривиальная трактовка, а индивидуальная. В среду приходил профессор и ставил за эскизы номера до двадцати пяти. /.../ Из собранных лучших эскизов через месяц делали выставку, и лучший получал бронзовую медаль.

В каждом квартале города были ателье для набросков. Вы входили в ателье, где сторож брал с вас полфранка, и могли сделать четыре наброска за двадцать пять минут. В понедельник стояла мужская обнаженная модель, во вторник женская и т.д.

Нашими Богами по рисунку были Леонардо да Винчи, Гольбейн и Энгра по живописи – Веласкес, Рембрандт, Ван Дейк, Хальс, Гойя и другие. Конечно, Лувр и множество разнообразных выставок нас формировали.

/.../ В Петербургскую Академию я поступил в ок-

тябре 1898 года. Думаю, что от тамошней профессуры не получил ничего ценного. /.../ Нас учил Эрмитаж, и мы были в восторге от этюда головы папы Иннокентия работы Веласкеса, от Рембрандта, Тьеполо, Франса Хальса, Рубенса, Тициана и других. А из наших художников мы любили Сурикова, Репина, Левитана, Сомова, Валентина Серова, Куинджи. /.../

Когда я приехал в Тифлис в 1902 году, я встретился с художниками Н.В.Склифосовским, Г.Ф.Гриневским, Гуго Габашвили, О.И.Шмерлингом, Яковом Николадзе, и мы решили воскресить Школу живописи и скульптуры, которая вела жалкое существование при Кавказском Обществе поощрения изящных искусств. Эта школа ютилась, кажется, на улице выше Грибоедовской. Она состояла из одной комнаты, а преподавал

– Н.Э.), завел всю обстановку для школы живописи, и мы благополучно приступили к работе.

Николай Васильевич был рачительный хозяин и замечательный педагог. Тут под его крылышком стал расцветать талант Зиги Валишевского, который нас несказанно удивлял и радовал. Мы ему давали большие листы бумаги для композиций. Я помню, он сделал композицию «Полтавский бой». Убедительно талантлива была эта не по летам серьезная, умная и, я бы сказал, профессиональная работа.

/.../ Школа наша процветала. Николай Васильевич сам стал делать прекрасную пастель – не хуже Лефранковской. /.../ Первое полугодие после открытия нашей школы мы даром давали ученикам французскую бумагу, уголь и пастель. Как-то мы подарили нашу пастель художнику Е.Е. Лансере, он в Петербурге ею хвастал, а художники удивлялись ее качеству.

Студия наша жила до первой мировой войны. Затем возобновила свою работу в 1918 году под другим названием. /.../ Это были «Курсы рисования и живописи с педагогическим отделением и детским классом преподавателя рисования художника Н.В. Склифосовского». Окончившим выдавалось свидетельство о завершении учебы.

В разное время на этих курсах учились ставшие впоследствии известными художниками С. Валишевский и К. Зданевич, Е. Ахвледиани и С. Кобуладзе, И. Гамрекели и А. Кутателадзе, сестры Елизавета и Раиса Флоренские и А. Бажбек-Меликов.

/.../ В 1921 году на развалинах Тифлисской Школы живописи и скульптуры мы (группа художников – Н.Э.) создали Высшие художественно-технические

Детский класс в Школе живописи и рисунка Н.Склифосовского

там Л.К.Лонго – малограмотный художник, (который – Н.Э.) хорошо зарабатывал царскими портретами.

Наняли мы большой дом на Грибоедовской улице, дом Аршакуни, который когда-то предназначался как кому-то великому князю. Дом был в персидском стиле и очень подходил Школе живописи. Теперь в этом доме помещается Академия художеств Грузии.

Первый год мы преподавали даром, устраивали в пользу Школы гулянья и тому подобное. Директором был выбран, кажется, Оскар Иванович Шмерлинг. Школа хорошо работала, но почему-то – не могу вспомнить – через некоторое время перешла в дом Леона Зубалова, что на углу Руставели и Давидовской улицы. Там мы, тифлисские художники устраивали выставки, хотя в большинстве случаев их устраивали в Храме Славы (Военно-исторический музей – Н.Э.).

Из-за какого-то недоразумения /.../ я и Н.В.Склифосовский вышли из состава Школы живописи и скульптуры. /.../ В 1911 году Склифосовский нанял в кредит несколько комнат в доме на Елизаветинской (ныне улица М. Цинамдзгришвили, №77

мастерские, возглавляемые московским художником Розенфельдом. С его отъездом я был назначен на это место. Затем эти мастерские были преобразованы в Академию художеств Грузии, где я был профессором живописи и деканом живописного факультета.

ХАРАКТЕРИСТИКА ХУДОЖНИКОВ, ОСНОВАВШИХ АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ

ШМЕРЛИНГ Оскар Иванович. Хороший рисовальщик, карикатурист. Хорошо компоновал свои небольшие акварели, но живописцем-колористом никогда не был.

ГАБАШВИЛИ Гуго. Был очень талантливый живописец-колорист. Рисунок был слабее. В молодости он был под влиянием И.Е.Репина. Впервые я увидел вещи Габашвили на его выставке. Была картина «Бахча» и к ней этюды. Это было исключительно талантливо: солнечно, живописно, живая композиция. Я был в восторге. Затем хорошие этюды он дал из самаркандской жизни. Общественность его не поддержала – тогда больше смотрели на раскрашенное фото, а настоящая живопись пугала обывателя, даже и обра-

зованного. /.../ Ему пришлось писать заказные картины и удовлетворять вкус мало-культурной в живописи публики.

НИКОЛАДЗЕ Яков Иванович. Очень талантливый скульптор, но не очень трудоспособный.

ХМЕЛЕВСКИЙ Грациан Людвигович. Скульптор, сильно уступающий по талантливости Николадзе.

ГРИНЕВСКИЙ Генрих Федорович. Умелый акварелист. Умный, работоспособный. Тонкий дипломат.

ТАТЕВОСЯН Егише Мартиросович. Очень талантливый художник, но не очень продуктивный. Любимый ученик В.Д.Поленова.

СКЛИФOSОВСКИЙ Николай Васильевич. Талантливый художник. Он учился у акварелиста Н.Л.Скадовского, если не ошибаюсь. Потом пользовался указаниями художника А.Д.Кившенко. /.../. Мы с ним ходили по горам Кавказа и писали этюды. Он был очень талантлив и трудоспособен, а самая лучшая его черта – он был величайший альтруист: он всем помогал в ущерб себе. Отдал всего себя педагогике.

О ДРУГИХ ХУДОЖНИКАХ.

ХОДЖАБЕГОВ Ваню.

/.../ Когда я преподавал рисование в Первой Тифлисской гимназии, ко мне на уроке рисования подошел один ученик и показал рисунки пером и кистью /.../. Он сказал, что тут есть лавочка, хозяин которой их рисует. Я его разыскал и увидел удивительно живые линейные рисунки. Видимо, природа одарила этого художника-самоучку Ходжабегова исключительно острой художественной памятью. Мы, то есть я и Склифосовский, пригласили его работать у нас в студии. Рисовал он с натуры средне, а от себя очень и очень хорошо. Как-то дали мы ему большой кусок бумаги и банки гуаши, которую готовили сами. Он от себя на ней нарисовал и слегка подкрасил (он еще не умел писать красками) сцену: горный пастух и около него овца в натуральную величину, которую сосет ягненок. Это была удивительная по реализму группа, прекрасно нарисованная. Не знаю его дальнейшую судьбу. Его сыновья учились у нас, но они были обыкновенными способными учениками.

БАГАГОШВИЛИ ГЕОРГИЙ РОСЕБОВИЧ.

Молодой грузин-кахетинец. Его отец проводил время с большой отарой овец в предгорьях Дагестана. Багагошвили делал пастелью и гуашью великолепные эскизы из деревенской жизни. Они были очень реальны и красивы по колориту. В них было много наблюдательности.

ТИР КОНСТАНТИН ЭРАСТОВИЧ.

Мы с ним вместе учились в Петербургской Академии художеств. (Тир учился в Академии с 1897 по 1904г – Н.Э.). Он был очень способным студентом. Был беден и зарабатывал халтурой. После Академии художеств он побывал на греческих островах, был в Черногории и первый сделал выставку своих черногорских этюдов в Цетинье. Был в Испании, во Франции и, наконец, появился в Тифлисе, где работал по живописи, а затем, ко всеобщему удивлению, стал делать для музея муляжи насекомых и разных болезней. Замечательный был кондитер, портной и сапожник. Был одинок и как-то незаметно для тифлисской публики умер (в 1934 году – Н.Э.). Он был очень талантливый, многосторонний и живой художник.

Вот все, что сохранила память.

В заключение хотелось бы отметить, что Борис Александрович Фогель продолжал свою педагогическую

кую деятельность в Тбилиси в разных учреждениях: с 1923 по 1926 год – в художественном институте при Доме Красной Армии, а с 1927 по 1930 г.г. преподавал рисование в натурном классе художественной студии при Доме армянской культуры Айартун. Там среди его учеников были Ираклий Романишвили, Карло Кукуладзе, Рубен Лорис-Меликов и другие.

В 1934 году Б.А.Фогель по рекомендации Е.Е. Лансере был приглашен преподавателем в Ленинградскую Академию художеств, Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина. Вся его дальнейшая жизнь протекала в городе на Неве, где он и скончался в 1962 году, оставив о себе светлую память в сердцах своих учеников и всех, кто знал и любил этого доброго и беззаветно преданного своему делу человека.

Нонна ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

Сулико Девадзе (крайний справа) с коллегами

ЧЕЛОВЕК-ТЕАТР

Есть в Тбилиси театр. Много лет назад его создали друзья Сулико Девадзе и Гия Кахели. Театр хоть и маленький, но очень гостеприимный. История такова. Первооснова его была заложена в 1972 году. Это был любительский театр при шелкопрядильном объединении «Радуга». Затем театр стал народным. В 1985 году объединение перенесли в Грма-Геле. Вместе с ним переехал и театр, где существует поныне. В 1994 году ему присуждено имя Георгия Шавгулидзе и статус независимого. В 2008-м театр потерял одного из основателей. И как будто оцепенел.

Своими воспоминаниями о друге и коллеге поделились самые близкие. Рассказывает режиссер Темер Бицадзе:

«Сулико Девадзе был родом из Батуми. Очень любил свой город. Труппа театра несколько раз объездила всю Аджарию со своими спектаклями. Театр много гастролировал. Мы ездили на фестивали в Польшу, Турцию. В Бельгии получили Гран-при за спектакли «Примирение», «Базар», «Перевал» на абхазскую тематику. Спектакль «Ханума» удостоился первого приза на международном театральном фестивале под открытым небом в Греции. Для показа в Греции же готовится еще один спектакль – «Поют и шутят актеры театра им.Шавгулидзе». Он состоится в конце июня.

В нашем репертуаре – «Жаворонок» и «Антигона» Жана Анюя, «Невзгоды Дариспана» Давида Кладиашивили, «Мученичество Шушаник» Якоба Хуцеси, «Рана», «Открытая веранда» Лаши Табукашвили. Он охватывает в основном школьную программу, поэтому к нам часто приходят старшеклассники. Среди занятых театралов – молодежь, студенты. Мы также устраиваем благотворительные спектакли для дома престарелых».

«Когда в театральном мире начался кризис, Сулико Девадзе и Гия Кахели сумели почти невозможное – они создали независимый театр, с постоянно обнов-

ляющимся интересным репертуаром. И театр живет все эти годы, у него есть постоянный зритель, труппа часто выезжает на гастроли. Сулико даже организовывал практику для студентов-актеров. Многие из них затем поступали в труппу. В театре часто работают приглашенные режиссеры. Я, к примеру, поставил там один спектакль. Кроме того, являюсь хореографом ряда постановок. Думаю, со всей этой непосильной работой могли справиться только влюбленные в свое дело люди, – считает актер, режиссер и хореограф Джемал Мелкадзе, – театр очень гостеприимный. В числе его друзей – Додо Чичинадзе, Зина Кверенчиладзе, Гоги Тодадзе, Карло Саканделидзе, Пати Пулариани, Эдишер Магалашвили, Нино Чхеидзе и многие-многие другие. Невероятно гостеприимным был сам Сулико. После премьеры никого не отпускал, не угостив. Был отличным тамадой и душой компании. Обладал заразительным чувством юмора».

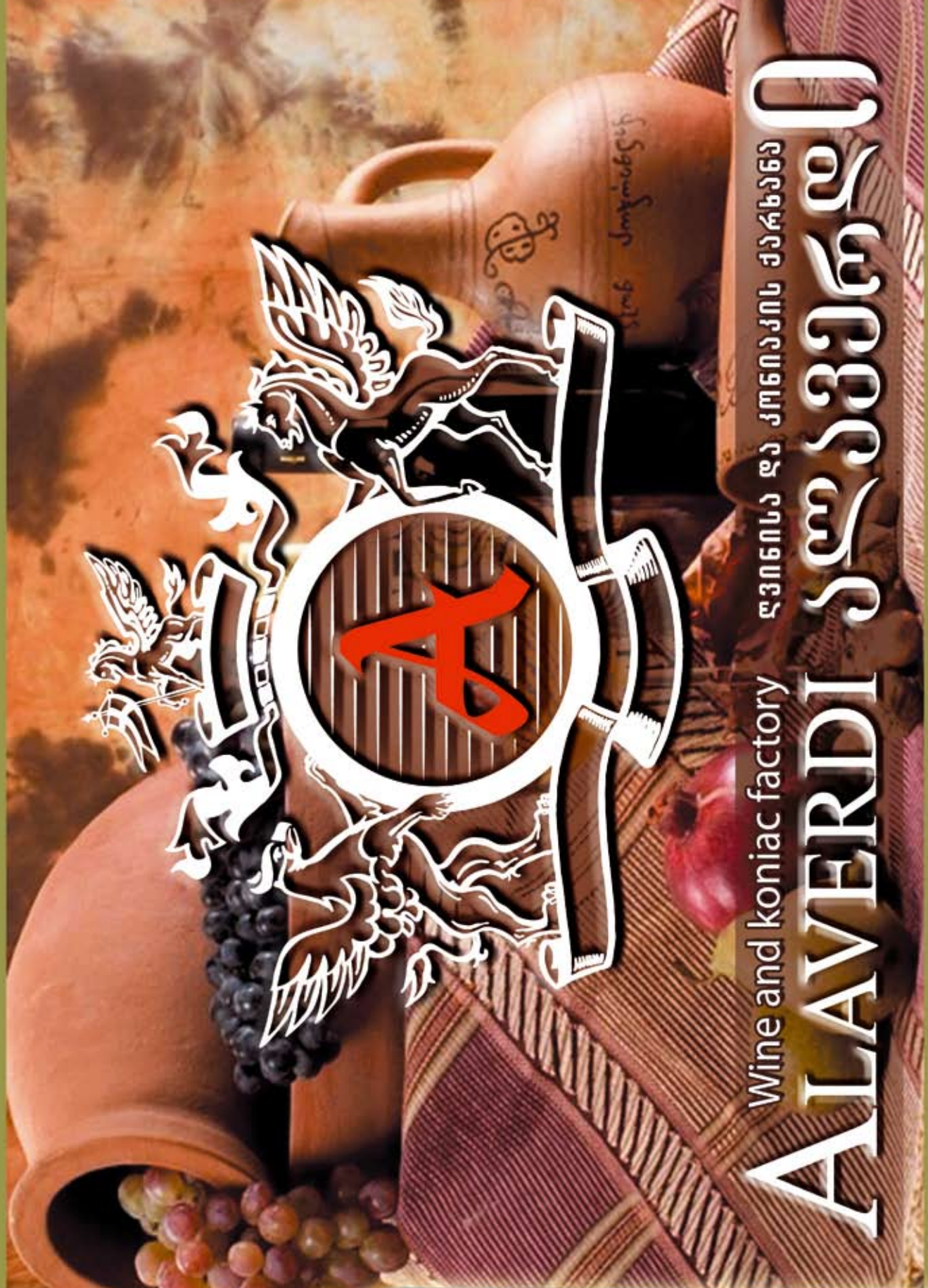
Ведущая актриса театра Додо Кокиаури: «Меня всегда подкупали его жизнелюбие и непосредственность. В последнее время Сулико стал очень эмоциональным, мог расплакаться, как ребенок. До сих пор не верится, что его нет с нами. Сейчас вспоминаю о нем, а он стоит передо мной, как живой. Сулико сам играл в спектаклях. Он был характерным актером. Но скромничал, и поэтому играл редко, но всегда с большой отдачей. Однажды мы играли «Мученичество Шушаник». Он играл Джоджики, брата питахша, а я – его жену. И вот, в одной сцене я его обнимаю, а он отвернулся от зала и шепчет – Кокиаури, какие холодные у тебя руки, момиквдес тави (груз. - чтоб я умер). Сулико придумал ноу-хау, как сделать премьеру блестящей. На прогоне он сидел с каменным лицом, вставал, критиковал, доводил до слез. А мы, актеры, нервничали, переживали – понравилось – не понравилось. Но премьеру зато играли «на все сто». Потом говорили ему за это спасибо. Мы одна большая семья. А теперь потеряли какой-то свет, энергию, стимул. Даже не знаю, сможет ли кто-нибудь его заменить?»

«Для меня Сулико – олицетворение верности и преданности. Он был предан театру, друзьям, семье. По его инициативе был создан театральный кружок для детей до 16 лет. Им руководят Кетино Папулашвили и Майя Хуцишвили. Он был членом семьи каждого из нас, жизнерадостным, теплым, добрым, светлым человеком. Театр онемел, опустел. Однажды мы пришли на репетицию, а Сулико в фойе...натирал пол мастикой. Всю жизнь был директором, мог сделать карьеру, хотя театр – дело всей его жизни, думаю, самая большая награда и память о нем», – поделился с нами актер театра Нодар Цинцадзе.

Его большое, любящее сердце не выдержало жизненной суеты. Сулико Девадзе скончался в начале весны, ему было 57 лет. Друзья простились с дорогим человеком, засыпав свежую могилу букетами цветов. А в Греции один из международных театральных фестивалей назвали в его честь «Сулико».

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

SERTIFICATE: ISO 9001:2000 ISO 22000:2005

Wine and konicac factory

ვინისა და კონიაკის ქარხანა

ALAVERDI

EMAIL: ALAVERDI_2000@YAHOO.COM

+995 99502850;

+995 99961222

10 лет

мы ориентируемся на развитие долгосрочных банковских отношений с нашими бизнес – потребителями, предлагаем им финансирование и услуги, необходимые для роста и успеха.

Развивайте Ваш бизнес вместе с нами! БАНК КАРТУ

Бизнес – банкинг

(Обслуживание юридических лиц)

Суды и кредитная линия
Карты: американ экспресс, виза и мастеркард
Операционное обслуживание
Бизнес - вклад
Бизнес чеки
Интернет - банкинг
Онлайн - банкинг
Инкассо обслуживание
Личный корпоративный банкир

Персональный банкинг

(обслуживание физических лиц)

Операционное обслуживание
Вклад
Карты: американ экспресс, виза и мастеркард
Чеки по путешествию Американ экспресс
Кредитные карты
Денежные переводы
Интернет - банкинг
(SMS) Банкинг
Автоматические переводы
Личный банкир